

62
190
//
//

К. Н. ЮЗБАШЯН

**КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ
В 1180—1204 гг.
И ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД**

ЕРЕВАН 1957

СИГНАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Կ. Ն. ՅՈՒՋԲԱՇՅԱՆ

ԴԱՍԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ՊԱՅԲԱՐԸ ԲՅՈՒՋԱՆԴԻԱՅՈՒՄ

1180—1204 թթ.

ԵՎ ԽԱՉԱԿՐԱՅ ԶՈՐՐՈՐԴ ԱՐՇԱՎԱՆԻԸ

К. Н. ЮЗБАШЯН

9(495.02)

10 325

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ

В 1180—1204 гг.

И ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Р II
52862

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Армянской ССР*

Работа посвящена малозученной проблеме внутреннего состояния Византийской империи накануне нашествия крестоносцев. Автор анализирует характер и течение классовой борьбы в конце XII—начале XIII столетия и показывает как политический кризис, который переживала Византия накануне крестового похода, обусловил поражение Восточной империи в 1204 г.

ВВЕДЕНИЕ

В 1203 г. участники IV крестового похода, первоначальной целью которого было освобождение Палестины из рук неверных, оказались у стен Константинополя. Среди крестоносного войска был Алексей IV, сын византийского императора Исаака Ангела, в 1195 г. лишенного престола и ослепленного.

Свое нашествие на Византию крестоносцы оправдывали намерением восстановить на престоле «законного» императора Исаака Ангела и его сына Алексея. В результате штурма правящий император Алексей III Ангел-Комнин бежал, а Исаак вновь обрел императорский венец.

В своей политике Исаак и Алексей Ангелы во всем шли навстречу крестоносцам, что порождало внутри страны открытое недовольство. В Константинополе вспыхнуло восстание, и Ангелы были устранены.

Отныне крестоносцы не могли рассчитывать на выполнение многочисленных тягостных для Византии обязательств, данных Ангелами и, желая компенсировать себя грабежом, они предприняли новый штурм Константинополя.

12 апреля 1204 г. столица Византии пала, город подвергся ужасающему грабежу. На обломках государства ромеев образовалась Латинская империя, которая просуществовала 57 лет.

Истории самого крестового похода посвящена значительная литература, но проблема, связанная с причинами

поражения Византийской империи, почти не разработана.

В самом деле, чем объяснить, что одно из крупнейших государств средневековья пало под ударами сравнительно немногочисленного крестоносного войска. Уже Ф. И. Успенский¹, а за ним румынский историк Э. Франчез² обратили внимание на то обстоятельство, что в период захвата Константинополя крестоносцы обладали весьма малыми силами. Действительно, все источники подтверждают, что соотношение сил было не в пользу крестоносцев.

Жоффруа де Виллардуэн, один из вождей крестоносцев и автор ценнейшей «Истории захвата Константинополя», рассказывает, что крестоносное войско насчитывало 20 000 воинов³. Эти 20 000 человек, продолжает он, захватили город, который был прекрасно укреплен и имел 400 000 населения.

Виллардуэн часто указывает на малочисленность крестоносцев. По его словам, перед приходом в Халкидон венецианский дож Энрико Дандоло произнес речь, в которой жаловался, что у крестоносцев слишком мало сил для задуманного дела⁴. Во время первой осады Константинополя в 1203 г. у крестоносцев было 7 батальонов, у греков — 40, причем каждый греческий батальон был больше батальона крестоносцев⁵. О малочисленности крестоносцев во время осады 1203 г. говорит также участник этого события, в котором В. Родников усматривает Иоанна Фиезского, одного из членов посольства, от-

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, 1948, стр. 378.

² E. Francès. Sur la conquête de Constantinople par les Latins. «Byzantinoslavica», XV, 1954, I, стр. 21.

³ Geoffroi de Willehardouin. La conquête de Constantinople, ed. N. de Wailly, Paris, 1872, гл. 25)

⁴ Там же, гл. 130.

⁵ Там же, гл. 179.

правленного крестоносцами к папе после захвата и разграбления рыцарями венгерского города Зары¹. Иоанн Физеский пишет: «И знайте, что нас (т. е. рыцарей) в войске не было больше 200 воинов и столько же иных всадников; пехотинцев было не более 2000, ибо большая часть оставалась на месте для охраны припасов»².

Константинополь так велик, что крестоносная армия могла бы осадить только одни ворота³. Никогда,— продолжает Виллардуэн,— такое малое количество народа не осаждало город с таким многочисленным населением⁴.

Разумеется, эти данные, приводимые участниками крестового похода, склонными преувеличивать подвиги рыцарей, не могут претендовать на абсолютную точность. Но и византийский историк Никита Хониат, который отнюдь не стремился возвеличить крестоносцев, сообщает, что на корабли, направляющиеся из Венеции в Византию, была посажена всего 1000 тяжеловооруженных рыцарей и 30 000 пехоты⁵. Ту же мысль о незначительности сил крестоносцев в гиперболизированной форме выражает и Георгий Акрополита, греческий историк XIII в. «Этот огромнейший город,— пишет он о Константинополе,— был захвачен одним или двумя солдатами»⁶.

Таким образом, речь может идти не о военном поражении, нанесенном превосходящими силами, но о внутреннем кризисе, сделавшем Византию легкой добычей крестоносцев.

¹ В. Родников. Забытый документ (К истории крестовых походов). Киев, 1905, стр. 6—8.

² *Epistola anonymi—testis oculati de capta urbe Constantinopolitana*, MPL, т. 213, стлб. 1044. пер. В. Родникова, ук. соч., стр. 16.

³ *Villehardouin*, гл. 164.

⁴ Там же, гл. 163.

⁵ *Nicetae Choniatae Historia*, ed. Bonn., 1835, стр. 714²⁰—22. По договору, заключенному с венецианцами в 1201 г. предполагалось, что на корабли сядет 4500 рыцарей, 5000 конюших и 20000 солдат.

⁶ *Georgii Acropolitae Annales*, ed. Bonn., 1837, стр. 710—11.

При всей своей важности проблема, связанная с ослаблением Византийской империи к концу XII века разработана очень мало.

Ф. И. Успенский, так долго и плодотворно изучавший историю последних десятилетий перед IV крестовым походом, не мог, конечно, обойти вопросы, связанные с причинами поражения Византии в 1204 г. Он задается вопросом: «почему обширная империя в данное время не имела в себе достаточно энергии и решимости, чтобы уничтожить небольшую венецианскую эскадру, которая подошла к Константинополю; почему ни сенат, ни войско, ни духовенство не проявили в этом случае всей присущей им силы»¹. Отвечая на этот вопрос, акад. Успенский обращает внимание на многочисленные попытки узурпации трона, причем связывает их с развитием феодального сепаратизма². Ф. И. Успенский рисует «западническую» политику Комнинов, в результате которой итальянские торговцы получали в Константинополе льготы за льготой. Автор указывает на падение нравов в среде духовенства и пр. Но, касаясь поражения империи, это наиболее яркое проявление кризиса Ф. И. Успенский никак не связывает с напряженной классовой и политической борьбой, происходившей в это время в Византии. Между тем, этими вопросами Ф. И. Успенский занимался более чем кто-либо из буржуазных историков³.

Инертность византийского правительства в 1203—1204 гг., когда крестоносцы стояли под стенами Констан-

¹ Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 378.

² Там же, стр. 380.

³ См. его статьи «Цари Алексей II и Андроник Комнины (1180—1185)», ЖМНП, 1880, ноябрь, 1881, март; «Последние Комнины. Начало реакции» ВВ, т. XXV, 1927—1928 (= «История Византийской империи» т. III, стр. 292—311); известное место политической и классовой борьбе указанного периода, народным движениям уделено в докторской диссертации Ф. И. Успенского «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон», СПб, 1874.

тинополя, в первую очередь объясняется напряженной политической обстановкой, сложившейся в это время. На этот момент обращает внимание Э. Француз в своей цитированной выше статье. Но автор касается лишь эпизодов классовой борьбы непосредственно перед падением столицы. Между тем, эти явления представляются заключительным актом напряженных классовых столкновений, брожения, которое охватило все византийское общество в 1180—1204 гг.

Исходя из этого, мы предприняли попытку изложить события классовой и политической борьбы указанного периода, принимавшей самые разнообразные формы, и выявить связь между внутренней обстановкой в Византии и ее поражением в 1204 г. Особенное же внимание мы постарались уделить народным движениям, роли народных масс в политической борьбе этого времени.

Нашим основным источником является «История» Никиты Хониата, современника описываемых событий, глубокого и проникновенного историка. Никита тенденциозен в своих оценках, он с презрением аристократа относится к невежественной толпе. Никита ненавидит народ, когда последний свергает своих угнетателей, и боится его насмешек, когда ограбленный и униженный крестоносцами бежит из Константинополя. Но при всем этом Никита прекрасно понимает, какую роль сыграли народные возмущения в период, предшествующий IV крестовому походу, и, резко выделяясь на однообразном фоне официальной историографии, яркими красками рисует события классовой борьбы. В этом смысле «История» Никиты Хониата является бесценным источником, который еще долго будет привлекать исследователя¹.

¹ О Никите Хониате см. *Ф. И. Успенский*. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон; *K. Krumbacher*, *Geschichte der byzantinischen Literatur*, München, 1897, стр. 281—286; некоторые моменты деятельности Никиты освещены у *G. Stadtmüller*, *Michael Choniates, Metropolit von Athen*, „*Orientalia Christiana Periodica*“, XXXIII, 1934, 2.

Кроме того, некоторые данные по истории изучаемого периода сохранились и у других современных авторов — Михаила Акомината и Евстафия Фессалонийского, а также в источниках западного и русского происхождения.

Г л а в а I

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ МАНУИЛА КОМНИНА

1180 год — год смерти императора Мануила Комнина — в изложении византийских историков является как бы хронологической вехой, за которой начинается период сплошных неудач государства ромеев. «Кажется, как будто в божественном совете решено было, чтобы со смертью царя Мануила Комнина рушился строй ромейского царства и чтобы с заходом этого солнца покрыла нас непроглядная тьма», пишет Евстафий Фессалоникийский в своем сочинении «О захвате Фессалоники»¹. И действительно, начиная с периода правления Алексея III Ангела, Византия переживает ряд глубочайших внутренних потрясений, которые подточили общественный организм империи и в 1204 г. сделали ее легкой добычей крестоносцев.

Как известно, после смерти императора Мануила во главе правительства стали вдова покойного императора Мария — дочь антиохийского князя Раймунда, и племянник Мануила, протосеваст Алексей, которому молва приписывала незаконную связь с красавицей Марией. Номинальным же императором ромеев был 11-летний сын Мануила Алексий².

¹ *Constantii Thessalonicensis Opuscula*, ed. Tafel. Francofurti, 1832, стр. 271. Пер. Ф. И. Успенского. Цари Алексей II и Андроник Комнины ЖМНП, 1880, ч. ССХП, стр. 127.

² Алексей II родился 14 сентября 1169 г. См. *P. Wirth. Wann wurde Kaiser Alexius II Komnenos geboren? BZ*, т. 49, 1956, I, стр. 65—67.

Важную роль в жизни Константинополя, как и всего государства, играла чиновная бюрократия столицы, совершенно переставшая сдерживать свои аппетиты. Это — та самая группировка, которая целиком жила на государственные налоги, и следующую характеристику Никиты следует понимать буквально: «Другие же, будучи стяжателями и грабителями народа, хитро присваивали государственные налоги, не стеснялись в обычных тра-тах и выдумывали новые»¹. Иные же все свои промыслы, продолжает Никита, направляли на овладение престолом.

Весной 1181 г., вскоре после смерти императора Мануила, в столице был раскрыт антиправительственный заговор. Вильгельм Тирский рассказывает, что в мартовские календы были изблечены некоторые лица благородного происхождения, замышлявшие против императора Алексея².

В числе заговорщиков, — сообщает Вильгельм Тирский, — был сын Андроника Старшего Мануил, протостратор Алексей (родственник императора), брат логофета, занимавшего «должность каниклея», и другие знатные лица, число которых доходило до двенадцати.

Об этом заговоре Никита Хониат сообщает ряд подробностей. Во главе заговора находилась дочь Мануила Комнина, кесарисса Мария. Заговор был направлен против протосеваста Алексея, в то время как Вильгельм Тирский писал, что заговор замышлялся против малолетнего Алексея Комнина. Заговор, наконец, подготовлялся с расчетом, что на помощь придет Андроник Комнин, будущий император.

Никита называет и других участников заговора — внебрачного сына императора Мануила — Алексея, Ан-

¹ *Nic.*, стр. 292₁₃₋₁₆.

² *Willermi Tyrensis Historia belli sacri a principibus christianis in Palestina et in Oriente gesti. „Récueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux“*, т. I, Paris, 1844, XXII, гл. V.

дроника Лапарду, двух сыновей Андроника (как и в известии Вильгельма Тирского, имеется в виду будущий император Андроник Комнин) — Мануила и Иоанна, эпарха города Иоанна Каматира¹.

Заговорщики предполагали убить протосеваста Алексея в субботу первой недели великого поста, в день мученика Феодора², но в силу случайных обстоятельств не смогли осуществить своего намерения. В марте, как сообщает Вильгельм Тирский, заговор был раскрыт. Заговорщики предстали перед судом, а затем были лишены свободы³.

Только Марии удалось избежать наказания. Она нашла убежище в храме св. Софии, куда бежала вместе с мужем, кесарем Райнером Монферратским. Здесь она пыталась, пишет Никита, медными статирами побудить бедный люд к восстанию (*πρὸς ἀποστασίαν τὸ πτωχέων πλῆθος ἐξαγριαίνουσα*)⁴.

В столице действительно вспыхнуло возмущение. Первые несколько дней устраивались сходки, на которых открыто произносились речи, направленные против императрицы и протосеваста. Все это волновало народ, возбуждало его к мятежу (*ἐξεκέραινε τὸν ὄημον καὶ εἰς στάσιν ἀνέφλεγε*)⁵. Обстановка становилась все более напряженной. Народ кинулся грабить дома богачей, тех, которые пользовались расположением императрицы и протосеваста. Был разрушен дом эпарха города Феодора Пантехни, являвшегося, видимо, преемником Иоанна Каматира, участника заговора.

¹ *Nic.*, стр. 301₉₋₁₃.

² Как устанавливает Ф. И. Успенский, это было 17 февраля 1181 года. См. Цари Алексей II и Андроник Комнины^а, ЖМНП, 1880, ч. ССХIV, стр. 60.

³ *Nic.*, стр. 301—302. *Eustathii Opuscula*, стр. 272.

⁴ *Nic.*, стр. 302₁₄₋₁₅.

⁵ *Nic.*, стр. 306₃.

Народное возмущение было подавлено вооруженной силой. Утром 2 мая 1181 г. правительственный отряд занял смежный с Августеоном храм Иоанна Богослова, и завязал перестрелку с повстанцами — защитниками Марии. Другой отряд пытался отрезать путь возможного отступления восставших. Бой продолжался весь день с переменным успехом, но к вечеру повстанцы были вынуждены отойти. Башня Миллион и церковь Алексия — опорные пункты восставших — были покинуты, а их защитники подались к храму св. Софии.

Ночью того же дня Феодосий отправил к императрице Марии чиновника для передачи условий, на которых оппозиция соглашалась сложить оружие. В качестве посредников к заговорщикам отправилось несколько знатных лиц. Но лишь на следующий день, когда эти лица обещали кесариссе Марии и ее мужу кесарю Монферратскому полное прощение, состоялось примирение. Кесарисса Мария с супругом рискнули вернуться во дворец¹.

В движении 1181 г. участвовали различные социальные группировки, каждая из которых преследовала свои собственные цели. Возмущение началось «заговором двенадцати», который возглавила кесарисса Мария. Участники заговора принадлежали к константинопольской знати и имели целью свергнуть правительство протосеваста Алексея.

Известно, что с конца XI века итальянские торговцы в Константинополе и других городах империи получают значительные торговые льготы. Иностранцы становятся могущественной силой, их влияние — преобладающим не только в торговой, но и в административной сфере.

При Мануиле Комнине, — рассказывает Вильгельм Тирский, писатель XII века, — латиняне пользовались та-

¹ *Nic.*, стр. 307 и сл. О восстании 1181 г. см. Ф. И. Успенский, ук. соч., стр. 58—65; его же „История Византийской империи“, т. III, стр. 295—299,

ким предпочтением, что император, муж великодушный и несравненной энергии, пренебрегал своими изнеженными и женственными греками, одним латинянам поручал важные дела, полагаясь на их верность и силу¹.

После смерти Мануила положение осталось прежним. Протосеваст Алексей во всем пользовался советами и помощью латинян, хотя и был нелюбим ими².

Итальянские войны пользовались особыми правами и оплачивались лучше, чем греки. Никита пишет, что на трирах, которые протосеваст Алексей выслал против Андроника, частью находились ромей, частью же «различных племен латиняне — лучшая и наиболее воинственная часть войска, которой деньги лились рекой, так как протосеваст в случае нападения больше рассчитывал на ее защиту, чем на самих ромеев»³. Латиняне составляли главную опору протосеваста Алексея и это не могло не вызывать оппозиции обделенных представителей господствующего класса. Время правления протосеваста Алексея знать и народ константинопольский (*tam maiorigibus quam populo civitatis illius*) сочли благоприятным для того, пишет Вильгельм Тирский, чтобы лишить латинян их привилегированного положения⁴.

Этот заговор Ф. И. Успенский рассматривает как первый шаг Андроника Комнина к овладению престолом⁵. В действительности, хотя Андроник поддерживал тесные связи с заговорщиками, среди которых находились его сыновья Мануил и Иоанн, нет данных полагать, что уже в то время он строил планы единодержавного правления.

¹ *Wil. Тур.*, гл. X.

² Там же, гл. V.

³ *Nic.*, стр. 321₁₀₋₁₄.

⁴ *Wil. Тур.*, гл. X.

⁵ Ф. И. Успенский. Цари Алексей II и Андроник Комнины стр. 58—59.

Когда заговор был раскрыт, оппозиция в лице кесариссы Марии решилась поднять городской плебс. Не только «медные статиры» заставили народ взяться за оружие. Почва для народного возмущения была готова, и восстание, которое отвечало, казалось бы, интересам знати, ибо должно было способствовать осуществлению политических целей оппозиции, вылилось в вооруженную борьбу против эксплуатации.

Никита Хониат сообщает подробность, которая выделяет это движение среди стихийных городских «бунтов». Он рассказывает, что «восставшие не пощадили публичных актов (τῶν δημοσίων τόμων); эти правовые документы гражданского состояния (τὰ δίκαια τῆς πολιτείας) были утверждены прежними императорами и в обществе были полезны если не всем, то многим»¹. Речь идет, разумеется, о податных списках, которые хранились у Паптехнии — эпарха города². Естественно, что народ в первую очередь кинулся уничтожать документы, в которых фиксировалось «право» на его эксплуатацию.

Этой чертой движение 1181 г. живо напоминает народное восстание против императора Михаила Калафата в 1042 г. И тогда, после трехдневного боя, восставшие проникли во дворец и начали уничтожать податные списки (διαρρήσουσι δὲ καὶ τὰς δημοσίας ἀπογραφάς)³.

Народное восстание 1181 г. носило ярко выраженный

¹ *Nic.*, стр. 303₁₀₋₁₁.

² Сходную терминологию находим у Малалы. Рассказывая об отставке префекта города Иоанна Пэфлагона, Малала сообщает, что император освободил его от необходимости иметь дело с τὰ δημοσία χαρτία τοῦ πραιτωρίου τῶν ἐπαρχῶν т. е. теми же податными списками (*Ioannis Malalae Chronographia*, ed. Bonn., стр. 400₁₂); аналогичные термины у F. *Dolger*. *Beitrage zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung*, München, 1927, стр. 101—102.

³ *Georgii Cedreni historiarum compendium*, ed. Bonn., т. II, стр. 539₈; см. Н. Скабаланович. *Византийское государство и церковь в XI веке*, СПб, 1884, стр. 271. ☺

социальный характер, и акад. Ф. И. Успенский напрасно выдвигал на первый план его антилатинскую направленность. «Личные счеты цесаревны и регента Алексея, — писал он, — должны были отступить на задний план перед народным недовольством иностранцами, на которых недавно опиралось правительство»¹. Об антилатинском характере выступления ничего не пишет Вильгельм Тирский. Мы у него читаем, что императорские силы возросли, латиняне помогли протосевасту, и Мария вынуждена была просить прощения².

В том же духе излагает события и Евстафий Фессалоникийский. Солунский митрополит рассказывает, что «после того, как любовь ромеев покинула императрицу и протосеваста, последние обратились к латинянам, прельщали их дарами, а главное — обещаниями отдать город, ромеев передать в рабство; побуждали их готовиться к бою, если бы скоро не переправился Андроник»³.

Характерно, что к народному движению примкнули итальянские войны⁴.

Таким образом, в широкой социальной борьбе потонула вражда к латинянам, которая явилась одной из причин заговора знати. Очевидно, Мария и ее окружение не думали, что движение примет столь радикальный характер. Даже отступавшие повстанцы стали внушать им опасения. Оппозиция в лице Марии, ее мужа и патриарха Феодосия, решила пойти на сговор с правительством, результатом чего и явилась амнистия.

Такова была обстановка в столице, когда перед Андроником Комнином встала возможность захвата власти.

Андроник был в курсе всех константинопольских со-

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 297.

² Wil. Tyr., XXII, гл. V.

³ Eustathii Opuscula, стр. 275.

⁴ Nic., стр. 303₂₀—21.

бытий, поскольку поддерживал постоянную письменную связь со своими приверженцами из знати. Как только он узнал о восстании от прибывшей к нему дочери Марии, он тотчас же покинул Пафлагонию и перешел в Ираклию Понтийскую. Популярность его, благодаря щедрым посулам народу, в это время была очень велика; во всяком случае, Евстафий Фессалоникийский, который имел все основания стусевать этот момент, сообщает, что «каждый в это время призывал Андроника»¹.

Правительство протосеваста пока не было изолировано и во многих местах находило сторонников. Так, Никея решительно восстала против Андроника, Фракийская фема отказалась его принять. Наконец, уже после того, как вся Никомидия сдалась будущему императору, против его войск выступил отряд под командованием Ангела. С помощью воинов-пафлагонцев и «негодных крестьян» (ἀχρεῖς τεταρτοῦς) Андроник разбил Ангела². Большой же силы должно было достигнуть возмущение, если далекие от столицы и столичной обстановки крестьяне шли под знамена Андроника!

Дальнейшие события известны. Протосеваст Алексей лишается своих последних приверженцев, и в апреле 1182 г. Андроник вступает в покорную ему столицу. Вступление его, как известно, предшествовало избиению латинян в Константинополе.

Ненависть к «латинянам» была свойственна не только той части константинопольской знати, которая в силу «латинофильской» политики Мануила Комнина, а затем и протосеваста Алексея, должна была поступиться своей властью и влиянием.

Прослойку «латинян» составляли приближенные императора, привилегированные воины, богатейшие италъ-

¹ *Eustathii Opuscula*, стр. 274.

² *Nic.*, стр. 319₂-11.

янские купцы. Естественно, что вражду к латинянам питали также низшие слои населения, константинопольский плебс. Эта вражда носила не столько «национальный» (употребляя это слово как синоним «византийского»), сколько социальный характер. Ненависть к латинянам столицы являлась отражением классовых противоречий, сложившихся в византийском городе к концу XII века. Это обстоятельство учел Андроник. Желая лишить протосеваста его последней поддержки и одновременно разрядить обстановку, сгладив частично социальные противоречия в столице, он спровоцировал побоище латинян¹.

В уличной борьбе в первую очередь принял участие простой люд. Никита пишет, что против латинян выступил городской демос², а «демос» в данном контексте может означать только «плебс», но никак не включать в себя понятие «знати».

Ф. И. Успенский считает, что сам Андроник к возмущению отношения не имел — страшное избиение латинян случилось прежде, чем Андроник успел переправиться в столицу³. На самом же деле у Никиты есть конкретное свидетельство, что Андроник первый подал сигнал к антилатинскому выступлению. Никита сообщает следующее. Андроник, еще будучи на противоположном берегу, отправил триеры под водительством великого дуки и «объявил войну проживающим в столице латинянам»⁴.

Таким образом, благодаря брожению, которое охватило верхи византийского общества, пользуясь обстановкой напряженной классовой борьбы, которая в 1181 г. вылилась в восстание, Андроник Комнин вступил в покор-

¹ Описание избиения дает Никита Хониат, стр. 325–326, и с большими подробностями Вильгельм Тирский, гл. X.

² *Nic.*, стр. 325₂₁.

³ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 302.

⁴ *Nic.*, стр. 325₂₀.

ную ему столицу. Началось трехлетнее правление Андроника Комнина, сначала в качестве регента при Алексее II, а затем единодержавного василевса.

В исторической литературе деятельность Андроника Комнина оценивалась различно, в большинстве случаев очень высоко. Не касаясь беллетристических или полубеллетристических произведений¹ обратимся к наиболее выразительным характеристикам его деятельности в собственно исторических исследованиях.

Так, Гопф в статье, помещенной в энциклопедии Эрша и Грубера, одобрительно относясь к деятельности Андроника, указывает, что новый император решительно выступил против могущественной чиновной аристократии и магнатов империи. В целом же политика Андроника, полагает автор, привела государство к краху².

Деятельность Андроника Комнина³ подробно описывает Ф. Шлоссер³. Если мы обратимся к его труду, нам нетрудно будет заметить, что знаменитый историк пользовался данными, почерпнутыми из «Истории» Никиты Хониата, однако придал им своеобразную окраску. Основное внимание Шлоссер уделяет психологической характеристике Андроника, показывает всю сложность характера Алкивиада XII века. Переходя к внутренней политике Андроника Комнина, историк пишет, что «он имел и хорошие, даже отличные свойства...» «Нередко обнаруживал ум и понимание, даже благотворительность и справедливость». Жестокость Андроника была направлена против высших классов, о низших же, наоборот, он весьма забо-

¹ *J. Pervanoglou. Historische Bilder aus dem byzantinischen Reiche, I, Andronicus Comnenus. Leipzig, 1879—1880 III. Диль. Романические похождения Андроника Комнина. „Византийские портреты“, вып. 11, 1914, стр. 95—148*

² *K. Hopf. Griechenland. „Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften“, herausgegeben von I. S. Ersch und I. G. Gruber, т. 85, стр. 160.*

³ *Ф. Шлоссер. Всемирная история, т. III, СПб, 1870, стр. 66—69.*

тился. Андроник «был неумолимо строг к алчности знатных, преследовал злоупотребления сборщиков податей, отменил продажу должностей, не терпел взяточничества, беспощадно наказывал чиновников за несправедливость и уничтожил береговое право...» Дальше: «Андроник предпринимал большие постройки, доставлявшие рабочим дело, распрстранявшие в народе деньги (!?) и поощрявшие искусства; защищал бедных от наглости придворных и, как впоследствии Петр Великий, бивал собственноручно дубиной любимцев, насильственно вымогавших что-либо у простолюдина»¹.

А вот точка зрения Ф. И. Успенского, который более чем кто-либо другой интересовался этим периодом и был прекрасно знаком со всеми источниками. Имя Андроника, пишет Ф. И. Успенский, «связано с реакцией против правительственной системы Комнинов и с радикальными реформами, предпринятыми им в удовлетворение национальной греческой партии, которой он обязан был своим

¹ Ф. Шлоссер. Всемирная история, т. III, СПб, 1870, стр. 68. В „Хронологических выписках“ Маркса мы читаем об Андронике: „Андроник, сын брата Каланоанна. (двоюродный брат, Манула.) Приключения этого гениального человека, алкивиадо-пероно-византийского склада. Гениально-зверский кутила и т. д., совершенный Коце, но с цезарскими качествами“. Маркс пока дает, так сказать, психологическую характеристику Андроника — „принц и авантюрист, храбрый, подлый, хитрый, вероломный, необычайно сильный“. Затем Маркс останавливается на известных сторонах деятельности Андроника, причем пишет, что „гнусная свирепость Андроника направлена была, главным образом, только против высших классов. Он сторонник строгой дисциплины среди чиновников, прекращает бесчинства сборщиков податей, уничтожает продажу должностей и береговое право; ... защищает чернь от жестокого обращения придворных“ (Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 190—191). Совершенно очевидно, что указанное место является не более как конспектом соответствующих страниц „Всемирной истории“ Ф. Шлоссера.

возвышением»¹. «Пятилетний период, обнимающий царствование двух последних Комнинов, Алексея и Андроника, любопытен именно как период реакции и государственных реформ, которые имели вполне народную основу и вызывались совершенно справедливо понятыми недостатками прежней системы управления»². Последний представитель династии Комнинов «имеет в истории providенциальное значение». Он был — или, по крайней мере, казался — царем народным, царем крестьян³. Вся деятельность Андроника направлена на улучшение государственного строя Византии. Единственно, в чем можно его упрекнуть, это — в чрезмерной жестокости.

Не менее высокую оценку деятельность Андроника получает в соответствующем разделе *Cambridge Medieval History*, написанном Ф. Шаландоном⁴. Автор подчеркивает, что деятельность Андроника Комнина противоречива. «С точки зрения управления провинциями Андроник выказывает качества крупного политического деятеля; деятельность же его в Константинополе — самая ненавистная тиранья»⁵. И дальше: «Андроник требовал, чтобы феодалы питали неизменное уважение к собственности и правам крестьян, и расправлялся с ними с крайней жестокостью, когда узнавал о злоупотреблении властью»⁶. Андроник старательно подбирает чиновников и широко их поддерживает, так что последние ныне не имеют оснований заниматься вымогательством у крестьян, — утверждает автор.

¹ Ф. И. Успенский. Цари Алексей II и Андроник Комнины ЖМНП, 1880, ч. ССХII, стр. 95.

² Там же, стр. 100.

³ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 306.

⁴ *The fourth crusade and the Latine Empire. „Cambridge Medieval History“, IV, 1923.*

⁵ См. там же, стр. 382.

⁶ Там же.

Столь же высоко оценивает деятельность Андроника Г. Острогорский. «Андроник, пишет он, стремился к возрождению империи (eine Regeneration des Reiches). Он восставал против тех недугов, которые его предшественники довели до крайней степени; он желал с корнем вырвать феодализм»¹.

Нельзя сказать, чтобы буржуазная историография полностью идеализировала византийские порядки. В трудах новых и новейших историков порицаются и порядок престолонаследия, и вымогательства сборщиков податей, и произвол всемогущей византийской бюрократии. Попытка же возвеличить Андроника диктуется желанием показать, что все же не императорская власть, как таковая, и не сложившийся монархический правопорядок, а недостойные лица на престоле являются причиной бед Восточной империи. Этот традиционный образ весьма далек от действительного.

Нам кажется, что и на соответствующих страницах труда М. В. Левченко «История Византии» деятельность Андроника получила неверную оценку.

Автор приписывает Андронику «попытку создания демократической монархии»².

Главной опорой Андроника Комнина, утверждает автор, были «низшие» слои народа. Андроник это прекрасно сознавал и объявил себя крестьянским императором. Соответственно этому программой нового правительства сделалась борьба против эксплуататоров крестьянства — землевладельческой аристократии и ликвидация иностранцев в пределах империи³. По словам М. В. Левченко, Никита Хониат должен был признать замечательные пере-

¹ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Reiches. München, 1952, стр. 315—316. Под «феодализмом» Г. Острогорский понимает, очевидно, феодальный сепаратизм.

² М. В. Левченко. История Византии, М.-Л., 1940, стр. 215.

³ Там же, стр. 216.

мены во внутреннем управлении, которые удалось произвести новому императору за свое короткое правление¹.

Забегая вперед, отметим, что одной из отличительных черт изложения Никиты является стремление быть «объективным» и поэтому, например, при изложении царствований Мануила, Алексея II, Исаака Ангела и в других местах он, наряду с дурными сторонами, определенное место уделяет и хорошим качествам в общем порицаемого императора.

Обратимся к точке зрения Джека Линдсея, которая высказана на страницах его труда «Byzantium into Europe»². Дж. Линдсей принадлежит к числу тех прогрессивных ученых Западной Европы, которые решительно становятся на позиции марксизма. В этом смысле его книга представляет несомненный интерес. Но в интересующем нас разделе, посвященном событиям конца XII века, Линдсей остается верным укоренившейся традиции. Он пишет: «Андроник пытался начать строгую, антимагнатскую политику и защищать мелких производителей. Его политика была столь популярной, что он распорядился освободить свое изображение от пышности и изобразить себя в качестве бедного крестьянина в грубой одежде, с большой косой в руках»³. Андроник уничтожал знатных, продолжает Линдсей, но норманны начали наступать на Константинополь, и испуганный народ промолчал при изложении Андроника фанатичным и малодушным Исааком Ангелом, бежавшим из тюрьмы в церковь св. Софии⁴.

Только в последнем издании «Истории средних веков» правление Андроника Комнина получило более критическую оценку, чем раньше. В учебнике подчеркивает-

¹ М. В. Левченко, История Византии, М.-Л., 1940, стр. 216.

² J. Lindsay. „Byzantium into Europe“, London, 1952.

³ Там же, стр. 102.

⁴ См. Nic., стр. 432.

ся, что Андроник Комнин смог захватить престол только благодаря народному возмущению. Справедливо указывается, что Андроник вынужден был пойти на уступки и провести ряд реформ. Наконец, «проводя реформы, Андроник Комнин отнюдь не стремился к действительному облегчению положения народных масс, а действовал подобным образом в целях укрепления своего господства»¹.

Попытка истолковать деятельность Андроника Комнина в связи с классовой борьбой 1180—1185 гг. предпринята в статье М. М. Фрейденберга². М. М. Фрейденберг правильно оценивает события разгрома латинского квартала в Константинополе, подчеркивая, что ожесточение, с которым константинопольские ремесленники, мелкие торговцы и плебеи выступили против латинских купцов, было продиктовано не простой враждебностью к «иноверцам», но в гораздо большей степени классовой ненавистью к своим угнетателям³. Говоря о внутренней политике Андроника Комнина, автор замечает, что нет никаких данных о социальных преобразованиях Андроника, которые серьезно затрагивали бы самые основы господства класса феодалов⁴.

Вслед за Н. П. Соколовым (см. ниже) М. М. Фрейденберг считает, что Андроник покровительствовал венецианской торговле⁵. Опорой Андроника была «та часть провинциального дворянства, чьи интересы не связывали ее непосредственно с оппозиционно-настроенной крупнѳй

¹ См. *Историю средних веков*, под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина, т. I, 1952, стр. 569—570. Главы, посвященные истории Византии, написаны доц. З. В. Удальцовой.

² М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в. «Ученые записки Великолукского государственного педагогического института». Великие Луки, 1954.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 41.

⁵ Там же, стр. 46.

знатью»¹. Последний вывод основан на том, что жертвами репрессий Андроника явились исключительно представители крупной чиновной знати.

Наконец, внутреннюю политику Андроника нельзя рассматривать, как попытку «улучшить функционирование аппарата государственной власти класса феодалов в интересах последнего», ибо деятельность Андроника связана с мерами, направленными на улучшение положения народных низов или, по крайней мере, части их².

Попытаемся дать оценку деятельности Андроника не только на основании сведений, относящихся непосредственно к нему, но и учитывая классовую и политическую борьбу двух бурных десятилетий, предшествующих IV крестовому походу.

Основным источником продолжает служить Никита Хониат. Сведения других современников Андроника, в трудах которых отразились события этих лет — Михаила Акомината и Евстафия Фессалоникийского, — самостоятельной ценности не представляют. Их сведения характеризуют настроения византийской аристократии, но не больше.

Разумеется, произведения, написанные во время царствования Андроника, пропитаны безудержным восхвалением нового императора. В период 1183—1185 гг. Михаил Акоминат написал свое известное обращение к претору Димитрию Дрими, прибывшему в Афины³. Михаил Акоминат следует своей излюбленной теме — он описывает бедственное состояние Афин. Но вот положение ме-

¹ М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в. стр. 48.

² Там же, стр. 39.

³ Μιχαήλ Ἀκομινάτου πρὸς Χωνιάτου τὰ συμβόλαια, изд. Σ. Λαμπρός, Афины, 1879, т. I, стр. 157—180. По тону оно явно написано в период правления Андроника. Поскольку Андроник упоминается, как единоподержавный правитель, то *terminus post quem*—1183 год.

няется. Наступает справедливость в городах, ранее ее лишенных. Торжествуют законы в Элладе, «оскорбленный получает защиту, оскорбляющего же поражает обоюдоострый меч». Всем этим, оказывается, Афины обязаны Андронику, который уничтожил тиранию латинян¹. Впрочем, Михаил пишет больше о скитаниях Андроника, чем о его деятельности в настоящем.

Проходит немного времени, и Михаил вновь вспоминает об Андронике, уже в «Похвальном слове Исааку Ангелу»². Михаил верен себе — он пишет о бедственном положении Афин, которые всегда ненавидели тиранов (намек на Андроника). Только ныне положение улучшилось, поскольку им протянул руку помощи Исаак Ангел. Дальше во всем «Слове» имя Андроника сопровождает постоянный эпитет «тиран».

В том же духе рисует деятельность Андроника Евстафий Фессалоникийской. Его историческое сочинение «О захвате Фессалоники» было написано после падения Андроника, так что солунский митрополит мог не стесняться в выражениях. Евстафий описывает правление Андроника в самых мрачных тонах. Политика узурпатора явилась, по его мнению, причиной падения Фессалоники. Такого рода замечания рассыпаны во многих местах его сочинения³.

Ясно, что подобные сведения о правлении Андроника не могут служить доказательством той или иной точки зрения.

Вступив в Константинополь, повествует Никита Хо-

¹ *Λαμπρος*, I, 162—163.

² *Λαμπρος*, I, стр. 208—259. «Слово» составлено вскоре после 1185 г. В нем говорится о недавней победе над обоими тираниями, т. е. «тиранией» Андроника Комнина и восстанием Алексея Враны.

³ См. гл. 28, 29, 30, 47 и др. издания Тафеля. См. также А. Говоров. Евстафий, митрополит солунский, писатель XII века. «Православный собеседник», 1883, май, стр. 57 и след.

пнат, Андроник Комнин начал раздавать своим сыновьям и клевретам важнейшие государственные должности.

Одновременно начались репрессии, жертвами которых явились многочисленные представители константинопольской знати. Никита Хоннат перечисляет жесткие меры, вспоминает тех, кто кончил жизнь в ссылке или темнице, лишился глаз, был изгнан из своего дома¹.

В результате этого погибла дочь Мануила Комнина, кесарисса Мария и ее супруг, которые в период «заговора двенадцати» были верными союзниками Андроника. Андронику удалось сместить, а затем и казнить вдову Мануила, императрицу Марию, причем предварительно против императрицы был возбужден городской плебс². В 1183 году Андроник был провозглашен императором; в том же году он умертвил Алексея II Комнина. Беспощадно истребляя своих действительных и мнимых врагов, Андроник обеспечил себе в столице безраздельную власть.

Гораздо труднее было подчинить провинцию. Великий доместик Иоанн Ватаци из рода Комнинов не признавал Андроника и сам, по-видимому, домогался власти. «Города Азии кипели междоусобными войнами»³. Против Филадельфии, где поднял возмущение Иоанн Ватаци, был послан Андроник Лапарда. После долгого сопротивления филадельфийцы, потерявшие своего вождя, признали Андроника Комнина.

В городе Лопадии было поднято восстание, и против лопадийцев был бросен Алексей Врана с войском. Вране удалось подавить возмущение, и он вместе с Андроником выступил против Никей⁴, которая, как было сказано выше, в свое время не признала узурпатора и продолжала волноваться. В 1184 году, весной, Андроник вместе с Але-

¹ *Nic.*, стр. 334.

² *Nic.*, стр. 343—344.

³ *Nic.*, стр. 340₁₈₋₁₉.

⁴ *Nic.*, стр. 363.

кесем Враной обложил город. Никею удалось взять лишь в результате длительной осады. После Никен началось наступление на Прусу. Прусейцы восстали еще в период, когда Андроник собирался провозгласить себя императором. Прусу также удалось взять после долгой осады.

К числу подобных явлений следует отнести также захват Кипра Исааком Комнином и отпадение острова¹.

Исаак Комнин приходился родственником императору Мануилу. Он был назначен правителем «Армении», т. е. Киликийской Армении, именно — ее равнинной части, которая до 80-х годов XII века находилась под византийским владычеством², и архонтом Тарса. Исаак Комнин, однако, не поладил с армянами и был взят ими под стражу. Его продали латинянам, как утверждает монах Неофит³. Несколько лет он провел под стражей, пока не был выкуплен иерусалимскими рыцарями-храмовниками⁴. Освободившись, Исаак не пожелал подчиниться Андронику (который принимал участие в выкупе) и бежал на Кипр, воспользовавшись деньгами, полученными из Византии.

Под пером Никиты Хонната захват Кипра превращается в обычную авантюру. Исаак Комнин выдавал себя за правителя, посланного императором, в подтверждение чего показывал народу фальшивые грамоты. Дальнейшая история как бы повторяет в миниатюре правление Андроника Комнина. Начинаются бесконечные репрессии против действительных и возможных противников из знати,

¹ См. *Mas-Latrie*. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan, т. 1, Paris, 1861, стр. 3 и след.

² Г. Г. *Микаелян*. История армянского Киликийского государства. Ереван, 1952, стр. 122—123.

³ Νεοφύτου πρότερον μοναχού καὶ Ἐγκλειστού περὶ τῶν κατὰ τὴν γῆραν Κύπρον σκλιῶν. С. *Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, т. II, стр. 3.

⁴ *Nic.*, стр. 376₂—21. Φρέρισι (испорч. Fratres) — рыцари храма. См. *Du Cange*. Glossar. Graec. s. v.

убийства; Никита обличает развратное поведение Исаака и пр¹.

В небольшом произведении монаха Неофита Энклиста, на которое мы ссылались выше, мы читаем об Исааке, что он опоганил всю страну, лишил жизни богатых и удавил своих приверженцев-восначальников². Фраза καὶ τῶν πλουσίων τοὺς βίους καθόλον διήρπασεν — «лишил жизни богатых», заставляет насторожиться. В самом деле, не происходил ли здесь процесс несравненно более сложный, чем обычный для византийской истории захват целой области? Отсутствие точных сведений не позволяет идти дальше предположений, но кажется, что и в этой фразе можно усмотреть намек на происходившие классовые столкновения между имущими и угнетенными; возможно, что Исаак Комнин, стремясь к достижению личных целей, примкнул к народу, и наш автор приписал ему действия против богачей.

Репрессии Андроника Комнина были направлены против представителей знати, но они никоим образом не говорят в пользу «демократичности» нового императора. Андроник вззошел на престол, пользуясь громкой славой народного защитника. Народные массы не угрожали его власти. Но стремление нового императора к безраздельному господству, склонность к «тирании» не могла не встретить противодействия той части константинопольской знати, которая сама стремилась к власти. Именно на нее и обрушился с репрессиями Андроник Комнин, безжалостно уничтожая как действительных, так и возможных или мнимых врагов. Опозиция, однако, была не так уж сильна, иначе узурпатору не пришлось бы беспрепятственно править в течение трех лет. По прошествии же этого

¹ Nic., стр. 377--378. См. предисловие К. Сафы ко II тому «Средневековой библиотеки», стр. 5 θ'.

² Νεοφύτου, стр. 3.

времени он был свергнут в результате возмущения народа, надежд которого он не оправдал.

Андронику, как и прочим императорам этого периода, не удалось консолидировать вокруг себя сколько-нибудь значительную классовую группировку, поэтому свою власть он мог утвердить только репрессиями, установлением личной диктатуры. Этим объясняются его жестокости, жертвами которых пали многочисленные представители константинопольской знати.

Как было сказано выше, Г. Острогорский приписывает Андронику стремление «с корнем вырвать феодализм», т. е. сепаратистские тенденции. Проявлением сепаратистских тенденций следует считать возмущение Иоанна Ватаци, сопротивление лопадийцев и прусейцев, отпадение Кипра. Носитель идеи централизованного государства, Андроник, естественно, должен был бороться против этих тенденций. Но было бы натяжкой считать, что борьба с феодальным сепаратизмом входила в программу Андроника Комнина и, более того, соответствовала его возможностям. Если Андронику удалось подавить сопротивление малоазиатских городов, то отложившийся Исаак Комнин в течение шести лет правил безнаказанно, а затем был свергнут не византийским правительством, а Ричардом Львиное Сердце.

Можно ли, вслед за М. М. Фрейденбергом, считать, что Андроник Комнин выражал интересы мелкой и средней провинциальной знати? Думается, что к этому нет никаких оснований. То обстоятельство, что среди жертв его репрессий не было представителей этой части господствующего класса, говорит о том, что эти слои ему, в общем, не угрожали.

Андроника Комнина никак нельзя считать «националистом»; если в 1182 году он инспирировал погром латинского квартала, то это было вызвано частными интересами. В целом же он остался верен традиционной поли-

тике покровительства иностранным купцам — при нем венецианцы возвращаются в Константинополь.

Известно, что в 1171 г. Мануил Комнин резко порвал с Венецией. 12 марта 1171 г. венецианский торговый квартал был разрушен, 10000 венецианцев сделались жертвой разгрома в столице. В историографии утвердилось мнение, что в 1175 г., под влиянием внешних событий, Мануил Комнин вновь подтвердил привилегии венецианцев. Эта точка зрения, однако, подверглась решительному пересмотру со стороны советского медиевиста Н. П. Соколова¹. Основываясь на данных венецианских источников, Н. П. Соколов утверждает, что договор не был заключен. Частные документы, рассмотренные автором, показывают, что на протяжении 10 лет торговые отношения не восстанавливались. Н. П. Соколов считает, что в 1182 г. венецианцы не пострадали — их просто не было в столице. Как сообщает итальянский хронист XIV в. Дандоло, в 1182 г., утвердив свою власть, Андроник обещал возместить убытки, понесенные венецианцами в 1171 г. Тогда же он освободил купцов, арестованных Мануилом². Идя навстречу интересам венецианских купцов и арматоров, Андроник Комнин уничтожил «бере-

¹ Н. П. Соколов. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185) ВВ, V, 1952; его же, Восточная политика венецианской плутократии в XII веке. Ученые записки Горьковского государственного университета², 18, 1950, стр. 139—152.

² *Danduli Chronicon*, столб. 309. (*Muratori. Regum italicarum scriptores*, т. XI, Mediolani, 1728). Мнение, близкое точке зрения Н. П. Соколова высказал Ж. Данструп, который считает, что нуждаясь в деньгах и стремясь расколоть единство латинян, Андроник Комнин упразднил привилегии генуэзцев и визанцев и, наоборот, сохранил права венецианцев. (*J. Danstrup. Recherches critiques sur Andronicus Ier. Lund, 1915*). Мне эта книга оказалась недоступна, ссылаюсь на аннотацию Ф. Дельгера, ВЗ, т. 43, 1950, стр. 135.

говое право»¹, о чем с такой похвалой отзывается Никита Хониат².

Выше мы говорили о том, что только благодаря народному возмущению против правительства императрицы Марии и протосеваста Алексея Андронику удалось так легко стать у государственного кормила. Очевидно, узурпатору пришлось сделать немало посулов народу, признавшему его сначала опекуном и соправителем малолетнего Алексея II, затем василевсом. В первое время его правления положение народных масс заметно улучшилось. «Андроник, пишет Никита, помогал бедным подданным, если те не выступали против него. Андроник умерил жадность обладающих властью и благодаря этому увеличилось население во многих областях»³. Очевидно, уменьшился произвол сборщиков податей, которые, пишет Никита Хониат, разбегались от одного имени Андроника. Правители, назначаемые Андроником, получали теперь крупное жалование, была ликвидирована продажа должностей. Система этих мер увеличила государственный доход. Эти меры должны были поначалу снискать Андронику признательность эксплуатируемых масс. Вспомним, что тот же автор писал о Мануиле: «Я не скрою, что он увеличил общественные подати, я не пропущу и того, что высшие должности отдавались на откуп»⁴. Непосредственно в связи с этим находится и восстановление преторской должности (*τὰς πραιτωρίας*

¹ Н. П. Соколов. «Восточная политика венецианской plutократии», стр. 148.

² *Nic.*, стр. 423—424.

³ *Nic.*, стр. 421_{16—19}.

⁴ *Nic.*, стр. 226_{1—2}. Ф. И. Успенский. Византийский писатель... стр. 58.

ἀρχάς)¹. Преторы получали крупное жалование, которое должно было стимулировать их бескорыстное отношение к службе. Это жалование (от 40 до 80 ми^н)², можем уже добавить мы, являясь частью взаимного налога, также оплачивалось народным трудом. Сохранились две речи Михаила Акомината, обращенные к преторам, прибывшим в Афины. В этих речах афинский митрополит чуть ли не все перемены в Афинах приписывает восстановлению преторской должности.

Андроник Комнин был современником грозного восстания константинопольского плебса в 1181 году. Он был свидетелем брожения, охватившего самые широкие слои народных масс. Для того, чтобы положить конец этому брожению, нужно было пойти на уступки. Путем некоторого упорядочения системы взимания государственных податей, благодаря широко применявшейся демагогии, Андронику удалось на некоторое время сгладить остроту классовых противоречий. Демагогией новый василевс пользовался очень умело; это обеспечило ему славу поборника народных интересов, способствовало его триумфальному въезду в Константинополь. Добившись своего, Андроник перестал скрывать сущность своей политики; он откровенно издевался над простодушным константинопольцем, утверждает Никита Хониат³.

Предпринятые Андроником меры не затрагивали существующей системы обложения государственным налогом и лишь в какой-то мере были призваны завуалировать ее пороки. При этом не следует упускать из виду,

¹ *Nic.*, стр. 429. Н. Банеску доказывает, что в XI—XII вв. претор ведал судебными делами и сбором налогов, но никак не был правителем фемы, как то считали В. Златарски, Г. Шлюмберже и др. См. *N. Banescu. La signification des titres de πρίτωρ et de προνοητής à Byzance aux XIe et XIIe siècles. „Miscellanea Giovanni Mercati“ т. III, Città del Vaticano, 1946, стр. 387—394.*

² *Nic.*, стр. 429_{а-в}.

³ *Nic.*, стр. 418.

что эти меры не могли уменьшить эксплуатацию крестьян феодалами, непосредственно взимавшими ренту. А в XI—XII вв. феодальная рента уже имела большой удельный вес.

Остальные нововведения Андроника не могут служить основанием для характеристики его внутренней политики. Об уничтожении берегового права уже говорилось. Постройка нового водопровода является мало существенным эпизодом текущей деятельности правительства¹.

Таким образом, следует отвергнуть доводы в пользу «демократичности» Андроника Комнина. Его никак нельзя считать представителем народных интересов, «крестьянским царем». Политика Андроника Комнина в целом соответствовала интересам крупной столичной бюрократии — значительной прослойки господствующего класса феодалов, прослойки, которая олицетворяла и осуществляла господство феодалов. Но Андроник пришел к власти благодаря целому ряду противоречий, сложившихся в Византии к концу XII века. Его борьба за власть является непосредственным отражением борьбы между различными группировками в прослойке бюрократии, внутриклассовой борьбы.

Кратковременное правление нового императора не уничтожило этих противоречий; триумфальный въезд Андроника в Константинополь не может скрыть всей шаткости его власти.

1185 год был ознаменован двумя важными событиями — отпадением Кипра и нашествием сицилийских норманнов на Фессалонику. Фессалоника пала, и норманны, разделив войско на три части, двинулись к столице. Не-

¹ Заметим попутно, что уже Мануил Комнин провел некоторые работы по исправлению константинопольского водопровода. См. *Cinnami. Epitome rerum ab Yoanne et Alexio Comnenis gestarum*, ed. Bonn., 1836, стр. 275.

посредственная опасность, неспособность правительства организовать сопротивление значительно ухудшили положение Андроника. Император не прекращал репрессий, о которых подробно пишет Никита Хоннат, и число его приверженцев резко сокращалось. К этому времени, надо думать, он целиком утратил популярность в народе. Иначе и быть не могло. Все «демократические» меры Андроника носили демагогический характер, а демагогия рано или поздно должна была обнаружиться. Поэтому Исааку Ангелу было так легко овладеть троном.

События разворачивались следующим образом. Византийский вельможа Исаак Ангел должен был стать очередной жертвой кровавых репрессий Андроника. Всесильный временщик Стефан Агиохристорит лично отправился за Ангелом. Последний с мечом в руках защищал свою свободу и, убив врага поспешил к храму св. Софии. Исаак Ангел обратился к собравшемуся народу с просьбой оказать ему помощь. Народ (τὸ πλῆθος) сначала выжидал, но к утру Исааку удалось уговорить большинство. Андроник в это время был вдали от столицы. Он не предпринял ничего действительного, только обратился к константинопольцам с грамотой, в которой обещал оставить преступление Исаака Ангела безнаказанным. Утром же приверженцы Андроника, сообщает Никита, пытались остановить народное возмущение¹. Таким образом, тот самый люд, который накануне выжидал, на утро уже сражался против Андроника. Исааку Ангелу, так же, как и его предшественнику, удалось добиться власти лишь в результате народного возмущения. Константинопольский плебс освободил из темниц заключенных. Волнение нарастало, причем главную роль играли люди из народа. Об этом ясно говорит фраза Никиты: «В толпе были люди, вооруженные мечами, щитами и дротиками, большин-

¹ Nic., стр. 448₂₂₋₂₃.

ство же было вооружено дубинами и палками, взятыми из эргастерий»¹. Исаак Ангел, таким образом, был провозглашен императором. Дальнейшие события известны. Видя, что положение безнадежно, Андроник решился бежать из Византии на Русь². Однако, он был схвачен и подвергнут медленной и мучительной казни. Никита с презрением аристократа пишет о народе, который покончил с неоправдавшим его надежд Андроником. В толпе, с бранью и побоями провожавшей Андроника к месту казни, среди глупых и наглых жителей Константинополя, выделяет торговцев колбасой (*ἀλλαντικῶλαι*), кожевников (*βυρζοδέψαι*) и тех, кто «проводит день в лавочке, кое-как живет починкой обуви и иголкой добывает себе хлеб»³.

Бурные столкновения, предшествовавшие приходу к власти Ангелов, показали, что назрела необходимость в коренном изменении существующего государственного строя. Но Ангелы не были способны на какое-либо существенное изменение. Крах попыток реформ конца XII века, — пишет М. В. Левченко, — означал, вместе с тем, и крах самой империи, которая теперь неудержимо покатилась к своей гибели⁴. За гибелью Андроника последовал отказ от всяких реформ и безудержная реакция: эта реакция не могла остановить открытых классовых столкновений, которые начались значительно раньше.

Первые месяцы правления Исаака Ангела были сменованы благоприятными для внешней политики Ви

¹ *Nic.*, стр. 450₁₋₃.

² Ἐπὶ τοῖς Ταυροσκιφῶν «к тавроскифам». К сожалению, не представляется возможным узнать, о какой Руси идет речь. М. В. Левченко полагает, что Андроник бежал к князьям Галицким (История Византии, стр. 219). Вероятнее всего это так и было, поскольку в 1161 году, после шестилетнего пребывания в тюрьме, Андроник искал убежища у Галицкого князя Ярослава.

³ *Nic.*, стр. 456₁₅₋₁₇.

⁴ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 219.

тии обстоятельствами. Норманнское нашествие было отражено. Византия вновь обрела Фессалонику — второй по величине и значению город после Константинополя. Нашествие Кылич-Арслана удалось пресечь богатыми дарами и обещаниями ежегодной дани.

Но, наряду с этим, конец XII века был ознаменован событиями, явно связанными с разложением империи. Византия в этот период более, чем какое-либо другое средневековое государство, представляла собой конгломерат племен и народов, связанных централизованной государственной системой. В изучаемое время связи между ними были особенно ослаблены. Первую брешь нанесло отпадение Кипра. Мы уже касались этого события и показали, что приход к власти Исаака Комнина был облегчен волнениями, имевшими место на Кипре. Другой же причиной была слабая связь острова с основной частью империи. В 1185 году, когда Исаак овладел островом, Кипр навсегда отпал от Византии. Исаак Комнин правил островом до 1191 года, когда Кипром овладел Ричард Львиное Сердце и передал его иерусалимскому королю Гвидо Люзиньяну.

В 1186 году началось восстание в Болгарии, которое сыграло важную роль в последующей судьбе Византии. Естественно, что при этих обстоятельствах политическое положение внутри Византийской империи должно было быть весьма напряженным. Этим воспользовался Алексей Врана, который недавно еще командовал войсками, разбившими сицилийских норманнов. Еще в период войны с норманнами Врана пытался захватить власть, но неудачно. Ему пришлось помириться с Исааком Ангелом¹. Однако, назначенный командующим византийскими отрядами, сражавшимися против восставших болгар, Врана не оставил мысли о престоле. Положение военачальника, громкая слава победителя норманнов могли только спо-

¹ *Nic.* стр. 491.

собствовать его помыслам. Его попытка свергнуть Исаака Ангела была поддержана народным движением. Та быстрота, с которой откликнулись народные массы на попытку Враны свергнуть императора, всего лишь год назад пришедшего к власти, показывает, сколь зыбким было установившееся равновесие.

Нам, к сожалению, неизвестна программа Враны, обеспечивая ему широкую поддержку. Но даже внешние проявления этого восстания ярко характеризуют обстановку всеобщего недовольства. Поначалу Вране помогли «многочисленные и могущественные соумышленники» из Адрианополя¹. После этого он приступил к осаде столицы. Вране не удалось проникнуть в Константинополь, и тогда он призвал к себе на помощь жителей пропонтидских берегов. Это были рыбаки, «не все пригодные для боя, но превосходно умеющие обращаться с веслами». Пропонтидские рыбаки обшили свои лодки толстыми досками и окружили императорские триеры. Рыбаки напали на триеры, и только греческий огонь спас положение. Тогда Врана решился взять столицу измором.

Константинополь был совершенно изолирован. Никита Хониат описывает возмущение Враны как простую авантюру, но проговаривается, что ему покорились как восточные, так и западные провинции². Ниже лаш автор пишет, что, кроме близких императора и жителей Константинополя, все преклонялись перед Враной, и вне столицы невозможно было набрать войска³. Исаак, совершенно деморализованный успехами противника, впал в бездействие. Кесарю Конраду Монферратскому с трудом удалось набрать отряды. В решительной битве Врана потерпел поражение. Он был убит, а войско его разбежа-

¹ *Nic.*, стр. 492₂₋₃. πολλοὶ οὖτοι καὶ εὐμπάσι δυνατοί. Нам кажется, что δυνατοί нельзя придавать терминологический смысл «дипат».

² *Nic.*, стр. 496₁₃₋₁₅.

³ *Nic.*, стр. 498₄₋₇.

лесь. Дело, однако, этим не кончилось. Сторонники Враны принадлежали к самым различным слоям общества. «Несчастливые и незначительные по своему уделу люди» разошлись по домам, «имея спасение в своей незнатности» и не опасаясь наказания¹. Знать же, участвовавшая в возмущении, отправила к императору посольство. Между строк «Истории» Никиты Хонната можно прочесть, что эти люди предлагали Исааку Ангелу забыть их участие в возмущении Враны, в противном случае император никогда не будет уверен в их лояльности. Прощение было получено, тем не менее впоследствии некоторые из них переметнулись к восставшим болгарам. Но, как бы то ни было, императору удалось столкнуться с проявившейся недовольство знатью, и внутриклассовый мир был восстановлен.

Далеко не так отнесся император к участию в восстании народа. Правительство верно определило своего главного врага. В ночь, наступившую за смертью Враны, дома пропонтидских рыбаков были уничтожены греческим огнем. На утро отряд латинян, возглавляемый Конрадом Монферратским, напал на жителей окрестностей столицы. Никита рисует страшную картину грабежа и избиений². Кесарю как будто удалось привлечь к грабежу определенные слои деклассированных элементов Константинополя³, которые неистовствовали наравне с латинскими воинами.

Эта резня неожиданно вызвала реакцию в самой столице. Возмущение было так велико, что угнетенные классы столицы, главным образом ремесленники (*τὸ τῆς πόλεως χειρωνακτικόν*)⁴, напали на латинян и вынудили их прекратить избиение пропонтидцев. Латиняне сумели организовать защиту своих домов. В столице начался

¹ *Nic.*, стр. 508₁₀₋₁₁.

² *Nic.*, стр. 511.

³ *Nic.*, стр. 511₁.

⁴ *Nic.*, стр. 511₂₀₋₂₁.

настоящий бой, и только на следующий день удалось прекратить кровопролитие. Лишь после долгих уговоров константинопольский люд решился разойтись по домам. Так кончилось это восстание, в котором ярко проявилось различие в составе участников и их целей.

В 1186 году Исаак Ангел предпринял два похода против болгар, которые кончились для византийцев неудачей. Второй поход имел место осенью 1186 года¹. Вскоре после этого похода вспыхивает восстание в лидийском городе Филадельфии. Во главе восстания стал Феодор Манкафа. С самого же начала он привлек на свою сторону широкие слои народа, который Никита честит «бесстыдной и наглой чернью»². Феодор Манкафа принял императорское имя, начал чеканить монету. Но для этого восстания, как и для восстания Враны, характерно участие широких слоев народа. Манкафа привлек на свою сторону, пишет Никита Хониат, всех лидян, затем к нему стали присоединяться соседние с Лидией области. Кончилось восстание так, как часто кончались подобные возмущения. Император сумел убедить Манкафу сложить оружие, жителям же города пришлось вновь признать власть Исаака Ангела. Манкафа впоследствии перебежал к сельджукам и занялся разбоем.

Попытки узурпации трона в этот период следуют одна за другой. И почти каждой подобной попытке обеспечена поддержка народа.

Вскоре после III крестового похода (точнее определить время невозможно) в Византии появился самозванец, выдававший себя за Алексея II Комнина. Лже-Алексей бежал к сельджукам, получил помощь от султана и напал, сообщает Никита, на византийские области. Против самозванца, продолжает наш автор, были высланы полководцы, но они ничего не могли сделать, так как

¹ Ф., Успенский. Византийский писатель... стр. 193.

² Nic., стр. 521₂₃—522₁.

опасались измены своих подчиненных, «которые тянулись больше к новоявленному царскому сыну и императору, чем признавали царствование Исаака»¹. Самозванец, видимо, старался посулами привлечь народ на свою сторону. Народ, сообщает Никита, относился к нему с явной любовью. К этому восстанию присоединился и ряд близких ко двору лиц, «исходя из своих интересов», замечает Никита. Восстание было подавлено севастократом Алексеем, будущим императором Алексеем III.

Через несколько дней после поражения Лже-Алексея в Пафлагонии появился новый мятежник, также принявший имя Алексея II, который был побежден Феодором Хумном. О нем Никита пишет очень скупое. Известно лишь, что пафлагонскому Лже-Алексею (как и его предшественнику) удалось привлечь на свою сторону несколько областей².

В Тарсии, недалеко от Никомидии, поднял восстание некий Василий Хотза. Восстание поначалу протекало успешно, но впоследствии Хотза был схвачен, ослеплен и заключен в тюрьму³.

Никита Хониат рассказывает о племяннике Андроника, Исааке Комнине, который в церкви св. Софии пытался «взволновать народ»⁴. Попытка не удалась, Исаак Комнин умер от пыток.

Константин Татикий собрал группу из пятисот соумышленников и долгое время скрывался в Константинополе. Однако и его нашли и ослепили⁵. Никита не пишет, в чем было преступление Татикия, но можно догадываться, что и он решил овладеть императорской диадемой.

Наконец, в «Истории» повествуется о каком-то обор-

¹ *Nic.*, стр. 551₁₀₋₁₃.

² *Nic.*, стр. 553.

³ Там же.

⁴ *Nic.*, стр. 554₂.

⁵ *Nic.*, стр. 554₃₋₃.

ванце, производящем свой род от Комнинов, который пошел было по пути своих предшественников — претендентов на престол, но был подвергнут традиционному наказанию — ослеплению¹.

Очевидно, после позорного для Византийской империи похода на Болгарию в 1190 году², восстал двоюродный брат Исаака Ангела, Константин. Константин был назначен стратигом и дукой флота и успешно сражался против болгар. Константин стал склонять к восстанию своих солдат, — он думал заручиться поддержкой своего зятя Василия Ватаца. Но попытка заговора также потерпела неудачу, Константин был схвачен своими же соучастниками³.

Последнее в период правления Исаака Ангела возмущение завершилось тем, что трон перешел к Алексею Ангелу, брату императора. В это время императорская власть была настолько непопулярной и непрочной, что при первом же слухе о новом возмущении к очередному узурпатору присоединилось все войско, вся придворная челядь и сенат — *θηραπευτικὸν καὶ οἰκίδιον καὶ οἴπερ εἰς βουλῆς ἀξίωμα ἤρθησαν*⁴.

Правление Исаака Ангела не принесло и не могло принести облегчения его подданным. Император, как и его предшественники, вел роскошный образ жизни, тяжесть налогов увеличивалась, должности продавались, как и встарь. Казначейство занималось порчей монеты. В то же время колоссальные суммы шли в пользу церквей и монастырей. Естественно, что подобная политика приводила к перманентному недовольству народных масс. Этим объясняется, что любая попытка узурпации встречала неизменную поддержку снизу. Исаак «обещал своим

¹ *Nic.*, стр. 551₉—11.

² *Ф. Успенский*. Византийский писатель... Приложение, стр. 35.

³ *Nic.*, стр. 570—572.

⁴ *Nic.*, стр. 594₄—5.

подданным большие блага в будущем, в действительности же он не сделал ничего лучшего по сравнению с предшествующими временами»¹.

Единения не было и среди господствующего класса. Понятно, что не природной склонностью к авантюрам можно объяснить такое большое число возмущений в период правления Исаака Ангела. Гибельная политика императора в период нарастания внешней опасности, обострение классовых противоречий беспокоили наиболее дальновидных представителей господствующего класса, в свое время поддержавших Исаака. В то же время непрочность императорской власти соблазняла многих попытаться овладеть императорским венцом. Этими моментами и вызвано такое обилие попыток узурпации.

Исааку Ангелу, как в свое время Андронику Комнину, не удалось сгруппировать вокруг себя сколько-нибудь значительного большинства господствующего класса. Не удалось это сделать и Алексею III Ангелу-Комнину.

Внутренняя политика Алексея III ничем не отличалась от политики Исаака Ангела. Как и прежде, громадные суммы тратились на увеселение двора. Алексей щедрой рукой жертвовал своим приближенным поместья и угодья, права на сбор государственных налогов². Наряду с этим, император выступил с традиционной демагогической мерой — объявил, что общественные должности не продаются³. Но сам Никита Хониат, который называет эту меру истинно свободной, составляющей «начало, опору и основание прекрасного правления», вынужден добавить, что в его времена не было ни одного правителя, кто бы поднялся, или хотя бы приблизился к этому идеалу⁴. Таким образом, политика Алексея III Ангела, выдвинуто-

¹ *Nic.*, стр. 568₁₁₋₁₃.

² *Nic.*, стр. 599₈.

³ *Nic.*, стр. 638₁₁.

⁴ *Nic.*, стр. 638₁₄₋₁₆.

го войском, ничем не отличалась от политики его предшественника, поддержанного столичной бюрократией и крупными землевладельцами.

Не мог Алексей III похвастаться и большей прочностью своей власти. И в его правление мы наблюдаем оппозицию недовольных группировок господствующего класса.

Не прошло и трех месяцев после воцарения Алексея III, как начались обычные попытки захвата власти. Трон попытался узурпировать некий киликиец, принявший (уже в который раз!) имя Алексея II¹. Другая попытка была совершена Исааком Комниным (бывшим правителем Кипра), который вырвался из плена. На этих случаях мы не останавливаемся, поскольку наличный материал не позволяет делать никаких выводов. Чтобы дать полный список жаждущих власти в это время, упомянем о возмущении Иоанна, сына севастократора Иоанна Комнина², и Иоанна Спиридонаки³.

Бросается в глаза, что большинство самозванцев, о которых речь шла выше, принимают имя Комнина. Пожалуй, важнейшей причиной упадка державы ромеев, — замечает Никита Хоннат, — разорения ее областей, упадка ее городов и, наконец, ее падения были мятежники и желающие царствовать из рода Комнинов. Не потому ли мятежники так охотно принимали имя Комнина, что период правления Алексея, Иоанна и Мануила казался блестящей эпохой, так отличающейся от нынешней?

Классовые столкновения не прекращались и в период правления Алексея III. Столица сначала без ропота встретила известие о провозглашении нового императора. Однако, пишет Никита, когда супруга Алексея, Евфросинья,

¹ *Nic.*, стр. 608—610; *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи, т. III, стр. 379—380.

² *Nic.*, стр. 700—701.

³ *Nic.*, стр. 708—709.

переезжала в Магнаврский дворец, возмутились какие-то ремесленники и люди из толпы (τῶν βανύτων καὶ ξυγκλιβῶν τινὲς φιλέταραχοί)¹, объединились и попытались провозгласить императором некоего Алексея Контостефана, астролога. Недовольные заявили, что они не намерены больше терпеть Комнинов. Эта попытка потерпела поражение.

Народные возмущения в этот период происходили и вне связи с попытками захвата трона. В столице проживал некий меняла по имени Калломодий. Калломодий слыл за богача, и императорские чиновники решили арестовать менялу, завладеть его деньгами. Это действие вызвало в столице смятение. Как только константинопольские лавочники, οἱ ἀγοραῖοι, узнали об аресте Калломодия, они кинулись в церковь св. Софии и, угрожая смертью патриарху Каматиру, требовали, чтобы он спас Калломодия. Патриарху с трудом удалось уговорить толпу, Калломодий был освобожден². Но спустя некоторое время,— пишет наш автор,— возникло другое бедствие, которое дошло и до пролития крови. Для характеристики византийского общества часто приводится расказ о начальнике преторианской тюрьмы, Иоанне Лагосе³. Иоанн Лагос на ночь выпускал преступников, и воры продолжали заниматься своим «ремеслом», делясь потом добычей с добрым стражем. Алексею III не раз сообщали об этих безобразиях, но он оттягивал разбор дела. Однажды Лагос взял под арест одного ремесленника⁴, распорядился высечь его и обрить голову. Этот случай вызвал возмущение горожан и товарищей пострадавшего по ремеслу. Смятение, пишет Нижита, обняло весь город; громадная

¹ *Nic.*, стр. 600₂₁—22.

² *Nic.*, стр. 693—694.

³ См., например, *Ф. Успенский*. Византийский писатель... стр. 61.

⁴ Τῶν ἀγοραίων ἕνα; ἀγοραῖος—купец, лавочник, но может быть и ремесленник. Ниже говорится о ἑμοτέχων—товарищах по ремеслу.

толпа ремесленников (πληθος χειροαχτικόν) бросилась в преторию, чтобы поймать Лагоса. В то же время в храме св. Софии возбужденные константинопольцы собирались провозгласить другого императора. Самого Алексея III в городе не было, он находился в Хризополе. Константинопольский епарх Константин Торник был встречен камнями. Возмущенные константинопольцы рассеяли войска, выломали двери претория, выпустили заключенных и разграбили церковь. После этого они с той же целью перешли к Медной тюрьме. Были вызваны дополнительные войска, но бой только разгорался. Восставшие, пишет Никита Хониат, были совершенно безоружны, только позже они достали кое-какое вооружение. Тем не менее, они смело бросались на прекрасно вооруженные императорские отряды. Иные швыряли черепицу и камни, некоторые стреляли из луков. Только к вечеру возмущение было подавлено¹.

На 1198 год падает восстание Иоанна Толстого². Сам император лишь недавно вернулся с войсками, сражавшимися с сельджуками. Иоанн Толстый, следуя установившемуся обычаю, ворвался в церковь св. Софии и возложил на себя венец. Отсюда он перешел в Магнавровский дворец, причем Никита отмечает, что его сопровождала большая группа соумышленников знатного происхождения и народ. В то время, как новонспекенный император занялся во дворце раздачей должностей, народ начал грабить дома богатых. На этот народ обрушивается Никита в «Слове на возвращение Алексея Комнина из восточных провин-

¹ *Nic.*, стр. 694—696.

² Об этом имеются сведения не только в «Истории» Никиты Хониата, но и в одной из его речей, именно — в «Слове на возвращение императора Алексея Комнина из восточных провинций после заключения мира с султаном». Эта речь, современная событиям, была составлена, как устанавливает Ф. И. Успенский, в 1198 г. (см. «Византийский писатель...», стр. 197).

ций после заключения им мира с султаном»¹. Чернь (οἱ ὄχλοι), рассказывает Никита в «Истории», дожидаясь утра, «чтобы опять разрушать лучшие дома и грабить их»². Опасаясь сопротивления волнующегося народа, император ночью выслал войска против Иоанна Толстого. Заговор был подавлен оружием.

Три последних эпизода народной борьбы показывают, насколько раскалена была атмосфера на рубеже XII—XIII веков, когда по случайному поводу народ брался за оружие.

¹ С. Sathas. Bibl. gr., I, стр. 88.

² Nic., стр. 698₁₋₂.

Г л а в а II

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВИЗАНТИИ В ПЕРИОД НАШЕСТВИЯ КРЕСТОНОСЦЕВ И ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Такова была обстановка в Византии, когда на западе начала обозначаться грозная опасность — участники четвертого крестового похода двигались к Константинополю.

Подготовка к новому крестовому походу началась в 1199 году. Во все концы христианского мира летели грамоты папы Иннокентия III, призывающие освободить Иерусалим и св. землю от «неверных». В походе собирались принять участие французские и фламандские рыцари, немцы, англичане, сицилийские норманны. Крест принял венгерский король Эмерих.

Крестоносцы предполагали отправиться морем, причем основной удар направить против Египта, где среди наследников Саладина происходили постоянные междоусобицы.

В феврале 1201 г. шесть представителей крестоносного воинства (они были выбраны на сейме в Компьене) явились в Венецию. В апреле того же года было подписано соглашение между крестоносцами и дожем, знаменитым Энрико Дандоло. Венеция обязывалась предоставить суда для перевозки 4500 всадников с лошадьми, 9000 щитоносцев и 20 000 пехоты. Корабли предоставлялись сроком на один год, содержание крестоносцы получали от венеци-

анцев. За все это крестоносцы уплачивали 85 000 серебряных марок,— по две марки с человека и по четыре марки с лошади.

Вскоре после заключения соглашения умер вождь крестоносцев Теобальд Шампанский, и по настоянию французского короля Филиппа II был избран итальянский князь, крупный дипломат Бонифаций Монферратский.

Весной 1202 года крестоносцы начали собираться в Венеции, но многие предпочли не задерживаться и самостоятельно двинулись к св. земле. По условиям договора крестоносцы должны были уплатить фрахт независимо от числа собравшихся участников похода. Собралось же значительно меньше, чем ожидалось, так что рыцари оказались не в состоянии сделать последний взнос в 36 000 марок.

В Венеции видели, что рыцари не смогут уплатить долг полностью и предложили отсрочку, но с тем условием, чтобы крестоносцы помогли захватить далматинский город Зару, с которым враждовала республика св. Марка.

Таким образом, вместо того, чтобы идти к Иерусалиму, в ноябре крестоносцы захватили Зару, город, который подчинялся венгерскому королю, принявшему крест.

Весной 1202 г. произошло событие, значительно повлиявшее на дальнейшее изменение направления IV крестового похода. Из Византии бежал сын свергнутого императора Исаака Ангела Алексей. Бегство его подготавливалось давно. Исаак Ангел поддерживал связи с латинянами,¹ переписывался с дочерью Ирриной, супругой Филиппа Швабского². Немецкий король диктовал Исааку его поведение³.

Если Исаак Ангел, находясь в тюрьме, имел возможность поддерживать связи с латинянами, то царевич Алек-

¹ *Nic.*, стр. 710₂₂₋₂₃.

² *Nic.*, стр. 711₂₋₃.

³ *Nic.*, стр. 711₅₋₆.

сей вообще был на свободе. Он сопровождал императора Алексея III во время похода против протостратора Иоанна Камницы, поднявшего восстание в Болгарии. Император тем более должен был следить за царевичем, что в 1199 году венецианцы угрожали ему реставрацией¹, но Алексею сравнительно легко удалось бежать на пизанском корабле.

Алексей прибыл в Италию и высадился, как сообщает Виллардуэн, в Анконе². Никита утверждает, что Алексей высадился в Сицилии, но Виллардуэн в данном случае более авторитетный источник. Что же касается того, что большинство источников направляет Алексея прямо в Германию, то это объясняется краткостью изложения авторов, не желающих касаться подробностей.

Прибыв в Италию, Алексей направился к папе и просил Иннокентия III выказать справедливость³, т. е. помочь ему и Исааку Ангелу свергнуть узурпатора. Впоследствии Иннокентий III писал Алексею III, что стремление Ангелов вернуть себе престол не встретило у него, папы, никакого сочувствия⁴. Папа в этот период не считал возможным захват Константинополя. Но, верный вековым стремлениям римской курии подчинить весь христианский мир, он настойчиво предлагал Алексею III, чтобы Византия вошла в лоно католической церкви. В этом духе и составлено послание от 16 ноября 1202 года. Не найдя сочувствия своим планам, Алексей пустился в дальнейший путь по направлению к Германии.

Алексей прибыл в Верону, где нашел множество пилигримов, направляющихся в армию⁵, сообщает Виллардуэн. По совету сопровождавших его лиц, продолжает

¹ *Danduli Chronicon*, стлб. 318.

² *Villehardouin*, гл. 70.

³ *Gesta Innocentii*, MPL, т. 24, гл. 82, стлб. 131.

⁴ MPL, т. 215, стр. 1123.

⁵ *Villehardouin*, гл. 70.

автор, царевич начал переговоры с крестоносцами о помощи. Крестоносцы решили вместе с Алексеем направить своих послов к Филиппу Швабскому. Если Алексей поможет им освободить св. землю, то они будут способствовать тому, чтобы престол перешел к законному наследнику.

Этот отрывок из Виллардуэна очень важен, поскольку из него явствует, что крестоносцы допускали возможность нападения на Византийскую империю еще до отплытия в Зару, даже до венецианского предложения отклониться от первоначального пути и напасть на венгерский город.

Алексей прибыл к Филиппу Швабскому, и король с этого времени стал действовать от имени византийского царевича¹.

Не в первый раз приверженцы Исаака Ангела обращались к Филиппу Швабскому за помощью.

Как сообщает один из западных хронистов, в 1200 году к Филиппу Швабскому явился некий греческий вельможа и высказал пожелание, чтобы Филипп от имени Ирины овладел властью в Византии. Его заподозрили в коварстве и лишили свободы, но затем освободили волею Ирины. Он вернулся в Византию, пытался узурпировать власть, но был схвачен и задушен². Риан утверждает, что это мог быть только астролог Алексей Контостефан, который в 1195 году поднял восстание в Константинополе³ и был заключен в темницу, но в 1201 году после второй попытки захватить власть — задушен.

Утверждая, что Алексей Контостефан вторично поднял восстание, Риан имеет в виду то место «Истории» Никиты, где говорится, что Евфросинья, супруга Алек-

¹ *Riant*. Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Monferrat. Paris, 1875, стр. 61 (= *Revue des questions historiques*, XVII).

² Там же, стр. 32.

³ *Nic.*, стр. 600-601.

сея III, подавила возмущение «кого-то из рода Контостефанов»¹. Совершенно нет оснований полагать, что Контостефан 1201 года и астролог Алексей Контостефан — одно и то же лицо. Далее, о пребывании этих Контостефанов в Германии ничего не известно. Но ясно, что в 1200 году кто-то из приверженцев Исаака Ангела пытался толкнуть немецкого короля на активное вмешательство в византийские дела.

Миссия царевича Алексея увенчалась большим успехом. Как сообщал Иннокентий III императору Алексею III², Филипп немедленно направил посольство к крестоносцам, которые уже были в Заре. Филипп просил крестоносцев помочь Алексею вернуть престол. Алексей же, сообщал он, готов заключить соглашение и помочь крестоносцам завоевать св. землю³. Последний мотив особенно четко выражен в письме графа Гуго де Сен-Поля. Крестоносцы, пишет он, были в бедственном положении, и не было возможности продолжать путь к св. земле. Но вот появился Алексей и предложил помощь для продолжения крестового похода⁴.

Соглашение в Заре (*convenance; Foedere igitur Jadergae confirmato* — сообщали впоследствии крестоносцы папе)⁵ нам известно во всех подробностях. Помимо нарративных источников, сохранилось два письма — «Послание баронов-крестоносцев»⁶ и письмо графа Гуго де Сен-Поля кельнскому архиепископу⁷.

Итак, что содержали обещания Алексея?

¹ *Nic.*, стр. 687₁₀.

² Письмо от 16 ноября 1202 г. MPL, т. 215, столб. 1124.

³ *Villehardouin* гл. 92.

⁴ *Hugo comes Sancti Pauli de expugnata per latinos urbe Constantinopoli*. „Recueil des Historiens des Gaules et de la France“, т. XVIII, Paris, 1879, стр. 517.

⁵ *Baronum cruce—signatorum epistola de expugnata urbe Constantinopoli*, ук. изд. т. XVIII, стр. 515.

⁶ См. ссылку 5.

⁷ См. ссылку 4.

Византийский царевич брал на себя обязательство выплатить крестоносцам 200 000 марок. Из них 100 000 должны были пойти рыцарям-крестоносцам, 100 000—Венеции, Дандоло¹. Византия в течение года должна содержать флот крестоносцев, снабжать его продовольствием. Алексей согласен выступить в Палестину с отрядом в 10 000 воинов, причем обязуется содержать их в течение одного года. Кроме того, до конца жизни он на свои средства будет содержать в Палестине отряд из 500 воинов. Наконец, Византия войдет в лоно римской церкви.

Эти обещания были несравненно заманчивее, чем завоевание св. земли и связанные с этим опасности. Они устраивали всех. Крестоносцы, получив обещанную сумму, расплатились бы с Венецией (так впоследствии и произошло). Венецианцы могли быть уверены, что посадив на престол Алексея, в Восточной империи они будут вне конкуренции. Папа, наконец, мог надеяться, что греки-схизматики подчинятся римской курии. Внешне же все выглядело достаточно благопристойно — помощь Алексея дает крестоносцам возможность завоевать св. землю.

25 апреля 1203 года Бонифаций Монферратский и Алексей Ангел прибыли в Зару, 1 мая — на остров Корфу, 23 мая флот направился к Константинополю².

¹ *Baronum cruce—signatorum epistola*, стр. 516.

² Причиной отклонения крестового похода от пути к св. земле посвящена значительная литература.

Наиболее обстоятельный и полный разбор старых работ см. у П. Митрофанова „Изменение в направлении четвертого крестового похода“, ВВ, IV, 1897; также *Riant. Le changement de direction de la quatrième croisade*. Paris, 1878. (= „Revue des questions historiques“, XXIII); E. Gerland. *Der vierte Kreuzzug und seine Probleme*, „Neue Jahrbücher für das klassische Altertum“, XIII, 1904. Ф. И. Успенский. *История крестовых походов*, СПб, 1901, стр. 99--112. E. Faral. *Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité*. „Revue historique“, CLXVII, 1936, стр. 530—533, A. A. Vasiliev. *History of the Byzantine Empire*. Madison, 1952, стр. 456 и

Несмотря на явное приближение опасности, в Византии царила полная безмятежность. Алексей III, пишет Никита, давно уж знал о приближении латинян, но ничего не предпринимал ни в своих интересах, ни в интересах подданных. Показательный для того времени факт —

след. А. Frolov La deviation de la 4e Croisade vers Constantinople. Problème d'histoire et de doctrine. „Revue d'histoire des religions“, CXLV, 1954, стр. 168—172.

Проблема, однако продолжает волновать ученых. Вновь и вновь делаются попытки утвердить „теорию предумышленности“, согласно которой нападение на Константинополь явилось результатом политической интриги, созревшей еще до выступления крестоносцев из Италии.

А. Грегуар (*H. Grégoire*, The questions of the diversion of the fourth crusade. „Byzantion“, XV, 1940—1941), стремится доказать, что Алексей IV бежал не в 1202 г., как вслед за акад. В. Г. Васильевским признают большинство ученых, а в 1201 г. Отклонение похода, он связывает с замыслами немецкого двора, которые созрели еще до выступления крестоносцев из Италии.

М. А. Заборов утверждает (К вопросу о предыстории четвертого крестового похода, ВВ, т. VI, 1954), что избрание в 1201 г. Бонифация Монферратского вождем крестового похода было связано с тем, что немецкий двор уже тогда стремился направить крестоносцев к Константинополю. Эта концепция диаметрально противоположна точке зрения автора, высказанной ранее: „С открытием В. Г. Васильевского стало ясно, что если царевич Алексей бежал в Европу в 1202 г., т. е. тогда, когда крестоносная рать во всяком случае находилась в Венеции, то ни о каком договоре Филиппа Швабского с Бонифацием Монферратским по поводу восстановления Алексея на престоле с помощью крестоносцев, договоре, подписанном, согласно Риану, при германском дворе в 1201 г., в присутствии Алексея, не могло быть больше и речи. Поэтому и последующие события не могли более рассматриваться, как дальнейшее развитие планов Штауфенов. Здание германской интриги рухнуло“ (М. А. Заборов, „Крестовые походы в русской буржуазной историографии“, ВВ, т. IV, 1951, стр. 177).

Автор трехтомной „Истории крестовых походов“ Ст. Рэнсимен утверждает, что поход отклонился от своего первоначального пути, ибо Венеция в Кане вела переговоры о получении торговых льгот и не желала портить отношений с султаном, о чем со-

Михаил Стрифн, дука флота, продает гвозди, якоря, паруса, канаты, так что, сообщает Никита, в гаванях не осталось ни одного крупного корабля¹. Когда крестоносцы приблизились к городу, то не было ни вала, ни прочих защитных средств, только стены отделяли константинопольцев от неприятеля².

Только после того, как в Драче императором признали царевича Алексея³, Алексей III начал проявлять какую-

общает писатель XIII века Эрнуль. (*St. Runciman. A history of the Crusades*. т. III, London, 1954, стр. 112—113). Однако, уже Аюто доказал, что свидетельству Эрнуля, основанному на рассказах враждебных Венеции вождей крестоносцев доверять нельзя (*Hanotaux. Les Venitiens ont-ils trahi la chrétienté en 1202?* „*Revue historique*“, 1877, № 4, стр. 74—78).

Несколько неожиданное решение проблемы дает А. Фролов (*A. Frolow. La deviation de la 4e croisade vers Constantinople. Problème d'histoire et de doctrine. „Revue d'histoire des religions“ CXLV, 1954, 2, CXLIV, 1954, 1, 2, CXLVII, 1955, 1*). „Почитание святынь, утверждает автор, способствовало успеху крестовых походов, каждый из которых представляется нам завершением паломничества. Среди этих идей особенно важное место занимает поклонение кресту. Константинополь, таким образом, мог удовлетворить вожделения путников значительной частью сохранившихся в мире мощей“. И вывод: „Для того, чтобы располагать этими мощами, нужно было овладеть городом“ (*A. Frolow. Ук. соч., CXVI, 1954, 2, стр. 219*.)

Нам представляется, что отклонение было вызвано не политической интригой, сплетенной Венецией или Германией, но совокупностью противоречий между Восточной империей и западным феодальным миром, которые особенно обострились со времен I крестового похода. Папство мечтало о подчинении греков-схизматиков римской курии. Венеция добивалась безраздельного торгового господства, стремилась к вытеснению конкурентов—Генуи и Пизы. Немецкий двор строил планы политического господства на Востоке. Для феодального рыцарства, наконец, выгоды, связанные с завоеванием Византии казались несравненно реальнее, чем освобождение св. земли. Совокупность этих факторов и явилась главной причиной отклонения похода.

¹ *Nic.*, стр. 716.

² *Nic.*, стр. 720₁₋₃.

³ *Nic.*, стр. 717₁₋₃.

то деятельность, подготовил до двадцати судов и приказал разрушить здания, находившиеся за городскими стенами¹. Всего этого было недостаточно, и когда флот подошел к Константинополю, столица оказалась совершенно непригодной к обороне. Византийцы пытались было обстреливать приближающиеся корабли, но были обращены в бегство².

Тем временем крестоносцы со всех сторон обложили город, они заняли Хрисополь (Скутари) и Халкидон. Цепь, которая преграждала путь к Золотому Рогу, была прервана, и корабли вошли в залив.

Алексей III сделал попытку войти в переговоры с крестоносцами. Виллардуэн рассказывает, что к баронам явился посланец византийского императора, некий ломбардец Никола Ру и от имени Алексея заявил следующее. Следует помнить о том, что и крестоносцы и греки — христиане. Крестоносцы, направляющиеся к св. земле, находятся в бедственном положении. Если они желают, то император обеспечит их продовольствием, чтобы они могли продолжить свой путь. Но крестоносцы потребовали отречения в пользу законного наследника престола³. Никита даже не упоминает об этом посольстве. Алексей, по его словам, думал только о бегстве. 17 июля 1203 года крестоносцы начали штурм города. Им удалось поджечь здания, примыкающие к городским стенам. Алексей бездействовал и, только под влиянием всеобщего возмущения, сделал попытку защитить столицу⁴. Но было уже поздно; натиск крестоносцев был слишком велик, и Алексей III бежал, захватив с собой 10 кентинариев золота.

¹ *Nic.*, стр. 717.

² *Nic.*, стр. 717—718.

³ *Villehardouin*, гл. 141—143. См. также *Robert de Clari*. *Histoire de la conquête de Constantinople*, ed. K. Hopf, „Chroniques gréco-romaines“, Berlin, 1878, гл. XL, XLI.

⁴ *Nic.*, стр. 722.

Инертность Алексея III не может не вызвать удивления. Император, которого возвела на престол армия, император, всю жизнь проведенный в походах, не стал бы, при всей безнадежности положения, думать только о бегстве. Но слишком была накалена атмосфера, слишком напряжены классовые и политические отношения, чтобы правительство могло рассчитывать на подданных. Это чутко уловил Георгий Акрополита. Он пишет, что после неудачных переговоров с крестоносцами, Алексей III бежал, так как испугался этих событий, «главным же образом потому, что опасался своих подданных, склонных к возмущению и страдающих непостоянством» (μάλιστα δὲ γὰρ ἀπείρηκε τοῖς ἐντὸς εἰς σιγῆσις ἀποβλέπουσι καὶ νοσοῦσι τὸ ἄστατον¹).

При этих обстоятельствах в Константинополе сочли за благо восстановить на престоле Исаака Ангела, который продолжал томиться в темнице. Исаак был вновь провозглашен императором. Он сразу же установил связь с крестоносцами и с сыном Алексеем.

Крестоносцы, рассказывает Виллардуэн, с радостью встретили эту новость. К Исааку были отправлены послы — сам Виллардуэн, Матье Монморанси и двое венецианцев. Послы явились во Влахернский дворец, предстали перед Исааком, но согласились начать переговоры только наедине. Их проводили в отдельное помещение, и Виллардуэн слово в слово повторил соглашение, заключенное между Алексеем и крестоносцами. Послы настаивали на подтверждении этого соглашения. Виллардуэн пишет, что Исаак указывал на тяжесть взятых Алексеем обязательств, но все же согласился, дал клятву и подписал соответствующую грамоту, скрепленную золотой печатью (asseura les convenances... par saïmens et par chartes pendanz bullées d'or)².

¹ *Acropolitae*, стр. 7₁₀—11.

² *Villehardouin*, гл. 186—189.

Крестоносцы в первую очередь должны были добиться подтверждения обязательств, взятых Алексеем. Не случайно Никита пишет о том, что царевич был отпущен лишь после того, как Исаак подтвердил готовность выполнить все его обещания¹. После этого Алексей вступил в Константинополь и был провозглашен императором². Только тогда крестоносцы согласились покинуть город и обосноваться в предместье Пере.

Последующая политика Исаака и Алексея Ангелов проводилась исключительно в интересах крестоносцев. Собственно, следовало бы говорить о политике Алексея IV, ибо Исаак вскоре совершенно лишился реальной власти³. Правительство было озабочено выплатой денег крестоносцам. Все, что было в казне (а было, очевидно, немного, ибо Алексей III захватил с собой 10 кентинариев золота), все, что было конфисковано у супруги Алексея III Евфросиньи и ее родственников, поступило крестоносцам. Исаак посягнул даже на церковные сокровища⁴—мера, к которой в Византии прибегали лишь в крайности.

Из западных источников нам известно, что крестоносцы получили сумму, равную 100 000 серебряных марок. Половина этих денег поступила французам, половина венецианцам, но из французских денег 36 000 марок также перешли к венецианцам — в уплату долга⁵.

По поводу этих денег должно отметить, что 200 000 марок не такая уж большая сумма, чтобы в Византии при иных обстоятельствах ее не смогли собрать. В конце концов, собирались же уплатить всего 4500 рыцарей и 29000 солдат сумму в 85000 марок, как это предусматривалось по соглашению с Венецией. Известно, что сумму,

¹ *Nic.*, стр. 728₄-7.

² *Nic.*, стр. 728.

³ *Nic.*, стр. 735—736.

⁴ *Nic.*, стр. 729.

⁵ *Robert de Clari*, гл. LXV (37).

равную недоимке крестоносцев, давали в качестве выкупа из плена и не очень богатые князья¹. И тем не менее правительству удалось собрать лишь половину должной суммы.

Подобная ситуация являлась непосредственным результатом всеобщего недовольства политикой правительства, во всем идущего на поводу у крестоносцев. Ангелы ни в ком не находили поддержки. Классовые противоречия продолжали оставаться весьма напряженными. Когда Исаак Ангел попытался обложить константинопольцев новой податью, эта мера вызвала решительное противодействие со стороны обездоленных слоев византийской столицы. Народ, повествует Никита Хониат, угрожал восстанием². Этот экстраординарный налог правительство вынуждено было взимать лишь с богатых граждан столицы.

Очень показательна речь Алексея, произнесенная перед крестоносцами. Он начал с того, что греки его не любят, с недовольством взирают на его приход к власти. Далее Алексей указывал, что 29 сентября 1203 года крестоносцы собираются продолжать путь к св. земле. К этому времени византийское правительство не успеет выплатить свой долг.

«Знайте, что из-за вас греки меня ненавидят; если вы меня покинете, греки меня убьют». Алексей умолял крестоносцев остаться до марта 1204 года. До пасхи он уплатит долг полностью. «В этот срок я сумею довести мою страну до такого состояния, что вновь ее не потеряю»³. Это настроение всеобщего недовольства и привело впоследствии к низвержению Алексея IV.

С помощью крестоносцев правительству удалось привести к повиновению те области, которые продолжали

¹ Ф. И. Успенский. Истории крестовых походов, стр. 117.

² Nic., стр. 740.

³ Villehardouin, гл. 194–195.

подчиняться Алексею III. По словам Робера де Кларн, в течение трех месяцев было занято 20 городов и более 40 замков¹. Характерно, что когда Алексей обратился с этой просьбой к Бонифицию Монферратскому, тот потребовал в качестве вознаграждения 16 кентинариев золота². Никита не пишет, была ли выплачена эта сумма, но само требование очень показательно — крестоносцы чувствовали себя хозяевами положения и могли диктовать свои условия.

11 ноября 1203 года Алексей IV вернулся из экспедиции против Алексея III. К этому времени отношения между крестоносцами и правительством весьма обострились. Крестоносцы требовали уплаты долга, правительство было не в состоянии выполнить их требование. Начались стычки между греками и крестоносцами. Алексей упорно не желал выступить против крестоносцев, как того требовали константинопольцы³. Видя, что на правительство надеяться нечего, народ начал подготавливать восстание⁴.

25 января 1204 года в церкви св. Софии было созвано собрание, на котором присутствовали сенаторы и высшее духовенство. Это то самое собрание, на котором выступил Никита Хоннат. Собравшиеся бурно обсуждали вопрос об избрании нового императора. Никита был решительно против, полагая, что крестоносцы вновь постараются посадить на престол Алексея. Наш историк догадывался, что подобная акция послужит новым поводом для того, чтобы вмешаться во внутренние дела Византии⁵. Но народное возмущение было велико и судьба

¹ *Robert de Clari*, гл. LVII.

² *Nic.*, стр. 735.

³ *Nic.*, стр. 741₂₃-21.

⁴ *Nic.*, стр. 743₃-4.

⁵ Эта речь и послужила, очевидно, причиной, что с приходом к власти Мурзуфла Никита Хоннат лишился должности логофета секретов (*Nic.*, стр. 749₅-7).

Алексея была решена. Бурные споры продолжались три дня. Одна за другой отвергались кандидатуры знатных лиц. Народ настаивал на своих кандидатах, представителях народных интересов, *ὑδάρχοντος καὶ δημοκόπου*, по терминологии Никифы Хониата¹. Выбор пал на Николая Канава, на кандидатуре которого, утверждает анонимный автор „*Devastatio constantinopolitana*“, настаивал городской плебс—*plebs comunis et vulgus*².

В то же время другая группировка — представители знати, выдвигала кандидатуру Алексея Дуки Мурзуфла.

Алексей IV, узнав о происходящих событиях, просил Бонифация Монферратского ввести в столицу войска. Это тотчас же стало известно, и возмущение против Ангелов усилилось. Всем этим воспользовался Мурзуфл, который еще раньше был известен, как решительный враг крестоносцев³. Мурзуфл проник во дворец. Алексей Ангел был умерщвлен (Исаак умер незадолго до этого), а Мурзуфл возложил на себя императорский венец.

Одновременно Мурзуфл расправился и с Николаем Канавом. Поначалу он соглашался признать Канава первым среди сенаторов, лишь бы тот отказался от императорской диадемы. «И вси людие не даша ему сложити вѣнчца, нѣ боле заклѣшася: кто отступитъ от Николы, да будет проклять»⁴. Тем не менее, Мурзуфлу удалось схватить Канава, который в решительный момент был покинут сторонниками⁵.

Мурзуфл пришел к власти благодаря своим обеща-

¹ *Nic.*, стр. 741₅.

² *Chroniques gréco-romaines*, ed. C. Hopf, Berlin, 1878, стр. 91.

³ *Nic.*, стр. 742₁₅.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. А. Н. Насонова, М.—Л., 1950, стр. 47; см. также стр. 243.

⁵ Об этих событиях см. *E. Francès, Sur la conquête de Constantinople par les Latins*, стр. 25—26.

ниям освободить город от французов¹. Утвердившись на престоле, сообщает Никита Хониат, новый император задумал ряд изменений². Мурзуфл решил обложить налогом тех, кто при Ангелах занимал высшие государственные должности и имел сан кесаря или севастократора. Собранные суммы употреблялись на государственные нужды³. При нем начали укреплять городские стены. Но достиг он немногого — крестоносцы не отходили, а стычки между ними и греками кончались обычно не в пользу последних. Делались попытки мирным путем устранить опасность, но это ни к чему не приводило. Дандоло и другие военачальники требовали, чтобы греки немедленно выплатили 50 кентинариев золота, что при сложившемся положении было невозможно⁴. В марте 1204 года крестоносцы приняли известное соглашение о разделе Византийской империи (*Partitio Romaniae*), предревшив тем самым судьбу Византии.

9 апреля начался штурм столицы. Мурзуфл бежал. Разгорелась борьба между двумя претендентами на власть — Феодором Дукой и Константином Ласкарисом⁵. Ласкарис был провозглашен императором, он пытался организовать оборону, но все было напрасно. Греки не оказывали никакого сопротивления и 12 апреля 1204 года

¹ *Robert de Clari*, гл. LXI.

² *Nic.*, стр. 718₅-6.

³ *Nic.*, стр. 749.

⁴ *Nic.*, стр. 751₁₇₋₁₉. См также *Baldwinus imperator Constantinopolitanus de expugnata secundo urbe Constantinopoli*. „Recueil des Historiens des Gaules et de la France“, т. XVIII, стр. 521

⁵ Сравнивая данные „Истории“ Никиты Хониата и его речи, обращенной к Феодору I Ласкарису (*C. Sathas. Bibl. gr.*, т. I, стр. 107—129) Б. Синогович доказывает, что 13 апреля 1204 года императором был провозглашен не Феодор, а Константин Ласкарис (*B. Sinogowitz. Über das byzantinische Kaisertum nach dem vierten Kreuzzuge* (1204—1205). *B. Z.*, т. 45, 1952, стр. 351—353). Феодор же Ласкарис стал императором между февралем и маем 1205 года (стр. 348—351).

крестоносцы ворвались в город. За 874 года своего существования столица впервые стала добычей неприятеля. Началом 57-летнего правления «латинян» был знаменитый грабеж Константинополя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обратившись к изучению политической истории Византии 1180—1204 гг., мы в первую очередь пытались выяснить обстоятельства, которые на наш взгляд обусловили поражение Восточной империи.

Мы стремились вскрыть причины политического кризиса Византийской империи на рубеже XII—XIII веков и обошли вопросы, связанные с общими экономическими предпосылками классовой и внутриклассовой борьбы. Последние далеко не ясны — в источниках нет прямых данных для их освещения. Тем большее значение приобретает исследование политической борьбы, которая, будучи порождением определенных социально-экономических явлений, может способствовать их пониманию. С другой стороны, нас интересовали непосредственные проявления политического кризиса, так что подобное ограничение задачи представляется оправданным.

Для интересующего нас периода характерна постоянная борьба за императорскую диадему. Бесконечные попытки узурпации следуют одна за другой. Эта борьба является непосредственным отражением постоянных столкновений между различными партиями и группировками в столичной бюрократии, интересы которой в первую очередь выражала императорская власть. Попытки узурпации трона непосредственно связаны с неустойчивостью, слабостью императорской власти. Эти восстания являют-

ся ярким проявлением политического кризиса, который переживала Византийская империя накануне IV крестового похода.

Наряду с борьбой внутри самого господствующего класса, историю 1180—1204 гг. заполняет ожесточенная классовая борьба между низами общества и его эксплуататорской верхушкой.

Достаточно было небольшого повода, чтобы стихийно вспыхнуло народное возмущение. Большинство этих движений возникало в связи с попыткой какой-либо группировки или просто смелого авантюриста достичь власти. И тем не менее, в указанных движениях, в первую очередь, проявляется социальный протест угнетенных классов против эксплуатации.

То обстоятельство, что достаточно было малейшего повода, чтобы народ взялся за оружие, показывает, насколько обострилась обстановка в конце XII — начале XIII вв. Надеясь изменить существующее положение, народ готов был идти с кем угодно. И можно догадываться, что претенденты на власть, заинтересованные в народной помощи, усиленно поддерживали эту надежду.

Но, раз вспыхнув, народное возмущение часто выходило за первоначальные рамки. «Бунт», начавшийся происками Марии, завершился разгромом богатых домов и уничтожением податных списков. Репрессии в отношении рыбаков, участвовавших в восстании Враны, вызвали вооруженную борьбу константинопольских ремесленников против латинян. Бесчинства Иоанна Лагоса явились достаточным поводом для того, чтобы кое-как вооруженный константинопольский плебс кинулся на императорские войска. Наконец, восстание, которое началось в связи с попыткой Иоанна Толстого добиться императорской власти, почти немедленно вылилось в классовую борьбу «низов» против богачей.

Все это показывает, что у народа имелись свои це-

ли, диаметрально противоположные целям той или иной оппозиции знати. И не случайно, что правительство в первую очередь стремится изолировать оппозицию, войти с ней в сговор, а затем обрушиться на народ. Именно эта коренная противоположность интересов позволяет нам трактовать рассмотренные движения, как стихийные движения, объективно направленные против социального неравенства и эксплуатации. Народ боролся во всех случаях прежде всего за свои классовые интересы.

Правда, эти интересы не всегда осознавались народом, в движениях константинопольского плебса не было единства и стихия борьбы нередко уводила народ от его классовых целей. В известной степени это объясняется, если можно так выразиться, профессиональной пестротой участников городских волнений. Мы отмечали, что в уличных сражениях активное участие принимали различные категории мелких ремесленников, работники эргастерий, мелкие торговцы и пр. Это — та масса, которая часто решала судьбу того или иного претендента на престол, почему очередные узурпаторы и стремились в первую очередь заручиться ее поддержкой. Многообразие интересов городского плебса усугублялось также этнической пестротой, что для византийских городов является типичным явлением.

С другой стороны, стихийный характер этих движений, зыбкость программы в известной степени объясняются участием в них деклассированных элементов. Уместно привести знаменитую характеристику Никиты Хониата, данную константинопольцам. «И в прочих городах народная толпа неразумна и необуздана в порывах; константинопольская же чернь чрезвычайно склонна к беспорядкам, она запальчива и обладает кривым нравом, ибо отличается разноплеменным характером, а вследствие разнообразий занятий и мыслит пестро. Толпа беззаботно идет на мечи и упорно противится, подобно ска-

лам и утесам, иногда же бывает крайне боязлива и подставляет каждому шею для удара. Справедливо упрекают ее, что она страдает непостоянством и крайней переменчивостью». Никита упрекает граждан Константинополя в том, что они не приносят никакой пользы ни себе, ни другим. Все, что приносят земля и море, они передают другим городам. «Неуважение же к властям — их врожденное зло. Кого сегодня выбирают вождем, с тем вскоре обойдутся, как со злодеем»¹.

Масса люмпен-пролетариата, не будучи связана профессиональной принадлежностью, отличается большой подвижностью и одновременно чрезвычайной неустойчивостью. Сплошь и рядом мы можем наблюдать, как умелая демагогия изменяет русло движения, которое используется в интересах борющихся группировок господствующего класса.

Наличные источники повествуют, главным образом, о городских народных движениях, собственно, движениях в Константинополе. Но было бы ошибочно считать, что классовая борьба захватила только столицу.

В самом деле, говоря о борьбе «верхов» и «низов», мы в понятие последних должны включить крестьян, которые поначалу поддерживали Андроника Комнина, на которых мог рассчитывать Алексей Врана. Свидетельство Никиты Хониата, что в период восстания Враны отложились все провинции, достаточно красноречиво.

Как указывалось, в восстании Враны участвовали пропонтидские рыбаки. К сожалению, полное отсутствие дополнительного материала лишает нас возможности выяснить характер эксплуатации рыбаков.

Источники показывают, что народные движения нередко бывают направлены против «латинян», т. е. при-

¹ *Nic.*, стр. 304—305. Ср. с пер. Ф. И. Успенского «Византийский писатель...» стр. 95—96.

вилегированного слоя итальянских купцов, утвердившихся в Византии с конца XI века. Торговые льготы дают им возможность успешно конкурировать с греческими купцами, и это порождает острые противоречия между местными торговыми слоями и иностранцами.

С другой стороны, «латиняне» являются весьма характерной социальной группой, и ненависть, которую питают к ним народные массы, носит не столько национальный, сколько социальный характер.

Изучение истории Византии 1180—1204 гг. убеждает нас в том, что в этот период все слои общества пришли в движение. Брожение приняло всеобщий характер. Интересы различных классов или классовых группировок иногда совпадали, но каждый класс преследовал свои собственные цели.

Раздираемая внутренними противоречиями, находящаяся в состоянии глубокого политического кризиса, Византия была не в силах сопротивляться удару крестоносцев. Борьба внутри господствующего класса лишала правительство возможности консолидировать силы и противостоять надвигающейся опасности. Классовая база правительства резко сузилась. С другой стороны, нежелание господствующего класса поступиться своими интересами способствовало ожесточенности классовой борьбы и углубляло кризис.

В поражении 1204 года сказалась не сила крестоносцев, но слабость Византии, которая на протяжении двух последних десятилетий быстро катилась к упадку.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BZ—Byzantinische Zeitschrift

ВВ—Византийский временник

ЖМНП—Журнал Министерства Народного Просвещения

MPL—*Migne. Patrologia latina.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Классовая борьба в Византии после смерти Мануила Комнина	11
Глава II. Политический кризис Византии в период нашествия крестоносцев и падение Константинополя	49
Заключение	65

КАРЕН НИКИТИЧ ЮЗБАШЯН
КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ
В 1180 -1204 гг.
И ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Отв. редактор Г. Х. САРКИСЯН
Редактор издательства Э. А. ПИВАЗЯН

Тех. редактор М. А. КАПЛАНЯН
Контрольный корректор Л. Л. КАРАПЕТЯН

Слано в производство 15/IV 1957 г. Подписано
к печати 1/VI 1957 г. ВФ 06369. Бум. 84×108^{1/2}.
4,5 п. л. 3,25 уч.-изд. л. Тираж 1000.
Зак. 173. РИСО № 423. Изд. № 1422.
Цена 1 руб.

Типография Издательства Академии наук
Армянской ССР, Ереван, ул. Абовяна, 124

ԳՆԱ Հիմնարար Պատ. Գրադ

FL0634234

Цена 1 р.

Р II
39729